

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

Человек должен числиться пропавшим без вести сорок
восемь часов, прежде чем к поискам подключится
уголовная полиция

СМЕРТЬ С УВЕДОМЛЕНИЕМ

ЧЕМ СИЛЬНЕЕ ПРЕСТУПНИК ПЫТАЕТСЯ ЗАПУТАТЬ
СЛЕДЫ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПОДСКАЗОК ОСТАВЛЯЕТ

Иностранный детектив

Андреас Грубер

Смерть с уведомлением

«Центрполиграф»

2012

УДК 821.112.2
ББК 84(4Авс)

Грубер А.

Смерть с уведомлением / А. Грубер — «Центрполиграф»,
2012 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-07357-0

«Если в течение сорока восьми часов вы выясните, почему я похитил эту женщину, она останется в живых, если нет – умрет». С этого сообщения начинается извращенная игра серийного убийцы. Он морит своих жертв голодом, топит в чернилах, заживо заливает бетоном. Комиссар мюнхенской полиции Сабина Немез в отчаянии ищет какое-нибудь объяснение, мотив. Вместе с голландским коллегой ей удастся понять, по какому шаблону действует убийца: на жестокие преступления его вдохновляет старая детская книжка! Самое страшное, что еще не все идеи исчерпаны...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Авс)

ISBN 978-5-227-07357-0

© Грубер А., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
1	12
2	17
3	20
4	26
5	28
6	33
7. Вводная беседа	38
8	45
9	51
10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андреас Грубер

Смерть с уведомлением

Посвящается Хайдемари, Веронике и Гюнтеру.

Спасибо, мои любимые

Copyright © 2012 by RM Buch und Medien Vertrieb GmbH «Смерть с уведомлением»

© «Центрполиграф», 2017

Пролог

Лифт с размеренным гулом проскользил вниз. Двери плавно разъехались, и в кабину проник бледный неоновый свет.

Кармен заторопилась по пустынному подземному гаражу. Как же она ненавидела этот серый бетон и стерильный свет! Каждый раз, когда ее ночная смена заканчивалась в пять утра в понедельник, на минус втором этаже царила тягостная тишина. Автомобили напоминали затаившихся в тени колонн существ – виднелись только капоты. Вокруг ни души. Иногда в подвале Института патологической анатомии Венского университета околачивались разные психопаты. Она задавалась вопросом, станут ли они нападать на сорокасемилетнюю женщину. Увеличивается или уменьшается с возрастом вероятность того, что ее не тронут?

Кармен озябла в своей белой униформе медсестры, пока шла к машине. Парковочное место U2-P58. Уже три года один и тот же номер. И так еле мерцающая лампа в этом углу окончательно перегорела, а камеру видеонаблюдения снова загораживал мешок с мусором, оставшимся после ремонта. Все отделочные работы обещали завершить к прошлому Рождеству – а сейчас почти конец марта. У больницы что, закончились субсидии?

Кармен дошла до своего «фольксвагена-гольфа» и нажала на кнопку центральной блокировки замка. Фары два раза мигнули желтым светом. В этот момент краем глаза она заметила какую-то высокую тень. Из-за колонны неожиданно выскочил парень. Не успела Кармен обернуться и поднять руку в оборонительном жесте, как почувствовала резкий укол сзади в шею.

Когда Кармен открыла глаза, вокруг было темно. Она находилась не в своей спальне, и даже не у себя в квартире. Не хватало тиканья часов, запаха свежего постельного белья и красного мигающего огонька видеорекордера. Вместо этого пахло сыростью, деревом и цементом.

Строительная площадка?

Инстинктивно Кармен понимала, что не лежит, а стоит. Откуда? Она понятия не имела. Может, потому, что слеза скатилась по щеке вниз. Ей захотелось машинально вытереть лицо, но руки, тяжелые как свинец, остались неподвижными. Кармен охватила паника.

Что со мной произошло?

Она хотела пошевелиться, повернуть голову, но тело, казалось, окаменело. Ноги не слушались. Она даже не могла согнуть большой палец на ноге, как будто конечностей больше не было.

– Эй? Кто-нибудь? – прохрипела Кармен.

Ее голос, эхом отразившийся от стен, прозвучал, как в склепе. И все равно казался странно приглушенным, словно его перекрывал шум бурлящей в голове крови. Как летом на море в Хорватии, когда она, еще маленькая девочка, прижала к уху раковину, чтобы послушать гул прибоя.

Кармен закрыла глаза. Этот странный запах!

К спертому земляному духу примешивалась нотка ладана. Что за ерунда!

Кармен облизнула губы – какая-то крупчатая пыль. Она сглотнула. Кисловатый привкус! Неожиданно почувствовала приступ тошноты. Чуть не подавилась и сплюнула горькую желчь, которая потекла у нее по подбородку.

Что же случилось?

Кармен не могла по-настоящему плюнуть и повернуть или наклонить голову. Ее лицо упиралось во что-то жесткое и острое. Дыхание тоже давалось с трудом, словно грудь сдавливал тугий металлический корсет.

– Эй?

Проклятье! Хоть бы это был просто ночной кошмар. Как часто по ночам она подбегала к кроваткам своих плачущих детей, чтобы успокоить их? *Спи, малыш, это просто дурной сон! Мамочка здесь.* Между тем она живет в квартире уже одна...

Но сейчас все происходило на самом деле. Слишком реальными были привкус во рту и першение в горле. Слишком явственно стучала боль в висках – все сильнее и нестерпимее с каждой попыткой Кармен пошевелиться.

Какой сегодня день?

Она хотела помассировать себе виски. Обычно это помогало думать. Почему она не может пошевелить руками? Ее пальцы онемели, как будто кто-то перерезал ей все нервы.

Сконцентрируйся! Что последнее ты помнишь? Неожиданно всплыло воспоминание. *Подземный гараж! Парень за колонной! Укол сзади в шею!* На этом месте все расплывалось.

– Помогите! – С колотящимся сердцем Кармен заметила, что не просто кричит, а зовет на помощь. Все громче и громче, пока совсем не выдохлась: давление на грудь позволяло дышать лишь поверхностно.

Наконец ее кто-то услышал.

Совсем рядом, под дверью, показался свет. Но он был слишком слаб, чтобы рассмотреть что-либо в помещении. Послышались приближающиеся к двери шаги. Неторопливые и безразличные. Как-будто кто-то спускался по лестнице.

Кармен считала шаги. Шестнадцать ступеней. Значит, это помещение этажом ниже.

Ниже чего?

– Помогите! – снова закричала она.

Тут послышался металлический лязг ключа в замке. Звякнула цепочка.

Пожалуй, это была не слишком хорошая идея: звать на помощь именно сейчас. Ей стоило подождать, пока не пройдет паралич. Тогда она могла бы осмотреть помещение и попытаться выбраться отсюда или, по крайней мере, найти какое-нибудь оружие. Сердце Кармен колотилось. Наверняка это тот мерзавец, который сделал ей инъекцию!

Массивная дверь тяжело открылась. Яркий луч света проник в комнату и на мгновение ослепил Кармен. Она прищурилась, видела только стройное тело от бедра и ниже в серых штанах и рабочих ботинках. Это вообще мужчина?

– Кто вы? – прохрипела она.

И в то же мгновение подумала: какой глупый вопрос! Мерзавец все равно не ответит. Он направился к ней. Мусор и гравий закричали под подошвами. Кармен невольно подумала о запахе строительной площадки. Они в подвале какого-то недостроенного здания? Или все еще в подземном гараже Института патологической анатомии? Нет, это точно не больница. Там Кармен еще никогда не замечала запаха ладана.

– Чего вы от меня хотите?

Снова никакого ответа. Когда-то она все равно это узнает. Не будет же он держать ее здесь вечно. Скоро она сможет двигать руками и ногами, и тогда горе ему. Что бы он ни задумал – ничего не выйдет. Одна лишь мысль, что он трусливо напал на нее сзади со шприцем, приводила Кармен в такую ярость, что она была готова ударить его по голове первым попавшимся под руку предметом.

Тут похититель открыл рот. Его голос звучал искаженно, как-будто у парня был дефект гортани или разрезана трахея.

– Я ввел тебе анестетик...

Парень, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю, как только ты повернешься ко мне спиной. Не на ту напал...

– ...и миорелаксant.

На этом объяснения закончились. За ненадобностью. По одежде Кармен он знал, что она медсестра. Бедж на блузе подтверждал, что Кармен сотрудница гинекологического отделения Института патологической анатомии.

– Правда, я отказался от анальгетика. – Никаких эмоций, словно объяснения навевали на него скуку. Налобный фонарь снова ослепил Кармен. На этот раз она чуть дольше оставалась в пятне света. Вероятно, незнакомец наблюдал за ее реакцией.

Из десятков вопросов, которые одновременно вертелись у Кармен в голове, один особенно ее волновал: почему этот человек скрывает от нее свое лицо? Она его знает? Возможно, он не собирается ее убивать. Эта мысль немного успокаивала. Но ведь что-то он задумал. Что бы то ни было, Кармен воспользуется первой возможностью и убьет его, прежде чем он успеет что-либо с ней сделать. А она на это вообще способна? Кармен ни секунды не сомневалась. Ассистировать главврачу при вскрытии и разрезать скальпелем труп от грудины до пупка или всадить этому парню гвоздь или тупой карандаш в почку или легкое... в чем разница? Когда он, хрипя, скорчится, Кармен не почувствует ни малейших угрызений совести.

Не на ту попал! Я тебе не какая-нибудь блондинка из секретариата.

– Ты меня слушаешь? – Жестяной голос звучал надменно, что еще сильнее раздражало Кармен.

Она не ответила. Конечно, она слушала. Поняла каждое его проклятое слово. Анестетик, миорелаксант и анальгетик обычно использовались перед операцией, чтобы ввести пациента в бессознательное состояние, обездвижить и лишить болевой чувствительности. В большинстве случаев требовалась дополнительная дозировка анальгетика – но мерзавец утверждал, что отказался от этого. В любом случае, за исключением ужасной мигрени, никакой боли не было. Что, черт возьми, он собирается с ней сделать?

Словно угадав вопрос, парень шагнул к Кармен. Яркий свет ослепил ее.

– Жертвы пожара чаще всего умирают, потому что прекращается клеточное дыхание, если кожа поражена больше чем на две трети. Чтобы с тобой такого не случилось, я обмотал твои руки и ноги мусорными мешками. На тебе дождевик и старые яхтенные штаны.

В голове у Кармен замерли все мысли. Мгновенно ее внимание было приковано к незнакомцу.

– Одежда хотя и не дышащая, но, по крайней мере, водоотталкивающая. Это предотвратит повреждение кожи цементом. – Он сделал паузу. – Во всяком случае, в самых важных местах.

О чем он говорит, черт побери? Кармен попыталась пошевелить пальцами руки, повернуть и запрокинуть голову, но безуспешно.

– Правда, спустя какое-то время начнется зуд, когда будет собираться пот и появятся грибок и паразиты. Надеюсь, у тебя крепкая иммунная система и ты не принимаешь регулярно лекарства – потому что здесь внизу ты их не получишь. У тебя больше нет свободного венозного доступа.

Кармен ежедневно принимала таблетки, понижающие давление, больше ничего. Она сглотнула неприятную горечь и заметила, как ее грудь заметно сдавило.

– Что?.. – прохрипела она.

– Наконец-то я вызвал у тебя интерес? – прозвучал бесчувственный голос незнакомца.

Кармен не ответила. Все это не имело никакого смысла. Но парень не дал ей времени собраться с мыслями.

– Я позабочусь, чтобы ты не умерла от почечной недостаточности.

Почему она должна умереть от почечной недостаточности? Парень произносил термины, которые обычно использовали только врачи или санитары. Может, она знает его по Институту патологической анатомии или другому медицинскому учреждению? Всегда

существуют контакты с другими отделениями. Возможно, он один из почти десяти тысяч сотрудников Венской многопрофильной больницы, и они там встречались.

Сколько времени прошло с момента, когда он ввел ей анестетик? Восемь часов? Наверняка в больнице ее уже ищут.

– Видишь... – Он сделал еще один шаг к ней и наклонился ближе. Свет упал на пол. – Обе эти трубки для того, чтобы предотвратить у тебя венозный застой. Через день я буду приносить тебе еду и воду.

У Кармен замерло сердце. Она хотела наклонить голову, но ничего не получилось. Краем глаза ей удалось заметить, как он выпустил из рук тонкую гибкую трубку, и ее конец упал в металлическое ведро.

– Но от боли я не могу тебя избавить. – Он глубоко вздохнул. Кармен услышала в его голосе возбуждение, как будто он давно ждал этого момента. – Я не знаю, когда наступит анкилоз, но, думаю, уже скоро твои суставы потеряют подвижность. Позвоночник окостенеет, а ногти начнут расти в обратную сторону. Но ты всего этого не узнаешь. – По голосу казалось, что парень улыбается. – Клаустрофобия и психическое напряжение сведут тебя с ума еще раньше.

Кармен не произнесла ни слова. Ее надежда убить похитителя словно испарилась. Парень был опасен и не в себе. Постепенно ею овладевала паника. Может, все это только ночной кошмар, подумала Кармен. Один из тех, когда, проснувшись, ты благодаришь Бога, что это был всего лишь сон.

– Я хочу пить, – прохрипела она. Во рту у нее пересохло.

– Завтра, – ответил голос.

– Что вы собираетесь со мной сделать?

Он стоял перед ней и рассматривал ее лицо. Кармен чувствовала его дыхание.

– Ты все еще не поняла?

Он отошел на несколько шагов и потянулся рукой куда-то вверх. Кармен не видела, что он достал, слышала лишь звон цепи. Видимо, дернул за какое-то подъемное устройство.

– Строительный раствор застыл лишь спустя восемь часов. Затем я установил этот полиспаг.

Он отпустил цепь и встал у Кармен за спиной. Свет от его налобного фонаря упал на зеркало, которое болталось на конце цепи, отразился и затанцевал по стенам. Красный кирпич. Без отделки. Невысокий свод – как в маленьком винном погребе. Кармен показалось, что она разглядела крюки на каменном потолке.

– Надеюсь, твой вид не приведет тебя в ужас. Не забывай: твоя грудная клетка сдавлена. Ты можешь дышать только поверхностно! Чем спокойнее будешь реагировать, тем лучше. Как только начнешь паниковать, задохнешься.

Зеркало повернулось, так что на одно мгновение Кармен могла увидеть свое лицо.

И она увидела... *только свое лицо!*

Страх, паника и смятение одновременно овладели ею.

– Нет! – закричала она. – Нет, пожалуйста... Господи, нет!

В голове Кармен одна за другой лихорадочно менялись мысли. Неожиданно все начало обретать смысл. Его объяснения о коже, почках, позвоночнике, клаустрофобии и венозном доступе. Последнего у нее действительно больше не было.

В раскачивающемся перед собой зеркале она увидела бетонную колонну – примерно два метра высотой и шестьдесят сантиметров шириной – в наполовину отбитой деревянной опалубке. Из серого блока выступало только ее лицо, от подбородка до лба... и на уровне бедра торчали два катетера.

– Нет! – выкрикнула она. – Пожалуйста, нет!

Кармен заплакала. Непроизвольно ее мышцы напряглись, словно она могла разорвать бетонные оковы, но чем сильнее она пыталась пошевелиться, тем больше задыхалась. Она не могла расширить грудную клетку.

Пожалуйста, помогите мне!

Кто-нибудь должен прийти и разбить этот бетонный блок прежде, чем она сойдет с ума.

– На помощь! – закричала она как можно громче и, задохнувшись, начала жадно глотать воздух ртом. – Пожалуйста, отпустите меня, – взмолилась она. – Пожалуйста!

Она ничего ему не сделает. Кармен обещала, если он сейчас освободит ее из бетона, она даже не заявит на него в полицию. Все простит и забудет.

– Пожалуйста!

Он снова вышел вперед. По движению налобного фонаря она поняла, что он почти незаметно помотал головой.

– Я предусмотрительно ввел тебе антибиотик широкого спектра. Кроме того, время от времени буду давать тебе витамины, но рахита тебе все равно не избежать. – Фонарь снова ослепил ее. – А твои глаза станут чувствительными к свету.

Сначала Кармен не поняла, куда он клонит, потому что слышала только свое тяжелое дыхание, а перед глазами все еще стояло собственное испуганное лицо. Но голос повторил слова.

Недостаток витаминов и болезненная чувствительность к свету? Эти явления проявятся лишь через несколько недель. Сколько он собирается держать ее в этом блоке?

Слезы бежали у Кармен по лицу. Она чувствовала их соленый вкус на губах.

– Когда вы выпустите меня отсюда?

Он покачал головой.

– Я буду наблюдать, как ты выживешь в следующие месяцы.

Месяцы? Шестьдесят или девяносто дней? Может, полгода! Ее словно парализовало. Но одна-единственная деталь зацепилась в сознании Кармен.

Он не сказал, *выживет ли* она в следующие месяцы, а *как* она это сделает.

Как?

В страхе и смятении!

– Пожалуйста! Не делайте этого!

– О! – Он склонил голову. – Я уже это сделал.

– Почему именно я?

– Может, ты сама догадаешься.

– Почему, ради всего святого?

Неожиданно его голос изменился. Стал выше и чище, как у девочки, которая рассказывает детский стишок.

Нет, все это не может быть на самом деле. Кармен закрыла глаза и стала мысленно молиться, чтобы наконец-то проснуться и больше не слышать голоса этого мужчины.

Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы этот блок упал и разбился! Сделай так, чтобы я проснулась в своей кровати и на следующий день снова пошла на работу. Пожалуйста!

Но Бог не внял ее мольбам.

Вместо этого она услышала, как мужчина удалился, закрыл металлическую дверь, пропустил цепь через ручку и начал подниматься по лестнице.

Старый детский стишок сопровождал каждый его шаг, ступень за ступенью...

«Скоро ль будешь ты уметь
Смирно за столом сидеть?
Скоро ль шалостям конец?» —

Строго так спросил отец.

А сынок, как без ушей,
И не слышит тех речей.

Ему совсем не сидится,
На стуле вертится,
Дрыгает ногами
И машет руками.

«Перестанешь ли, глупец!» —
Закричал в сердцах отец.

И вдруг она поняла, кто ее похитил.

Часть первая

Спустя два месяца

С воскресенья 22 мая до понедельника 23 мая

В принципе, мир довольно рискованное место. Здесь с человеком может случиться много плохого, что довольно часто и происходит.
Анна Солтер

1

Керстин, Конни и Фиона одновременно сели в постели. Подушки и плюшевые мишки полетели на пол.

– Какую историю ты расскажешь нам завтра, тетя Бина? – возбужденно спросила Керстин.

Сабина ненавидела, когда ее называли тетей. Это старило ее, а в двадцать шесть лет она, ей-богу, была молода.

– Завтра у меня нет ночной смены. Я буду дома и отдохну от вас, дерзких девчонок, – ответила она.

– Тогда послезавтра! – хором закричали все трое.

Дочери ее сестры – четырех, пяти и семи лет, все блондинки – умели по-настоящему играть на нервах.

– Послезавтра, тетя Бина, что ты расскажешь нам послезавтра? – не успокаивались они.

Сабина подошла к окну. Горизонт уже погрузился в оранжево-синие сумерки. Скоро начнется ее смена. Мюнхенская Фрауэнкирхе¹ была подсвечена. Купола обеих могучих башен вдалеке возвышались над крышами домов. Неожиданно у Сабины появилось странное чувство в желудке, как будто часть ее умерла. Она сглотнула горечь. Вид этой церкви почему-то всегда напоминал ей о смерти. Сабина быстро задернула шторы с детским любимым мультгероем Губкой Бобом Квадратные Штаны.

– В следующий раз мы получим задание из Ватикана.

– От папы римского? – вскрикнула Фиона, самая старшая. – Почему?

Сабина не могла понять, что с ней. Она попыталась взбодриться.

– Скоро Троица. Папа будет много ездить, и ему понадобится наша команда для выполнения одного особенно сложного задания, связанного с безопасностью.

– Куда мы поедем?

– Поедем? – Сабина подняла брови. – Мы полетим! На самых быстрых вертолетах, какие у нас только есть. Новая разработка нашей тайной лаборатории.

– Вот это круто! Почему папа попросил именно нас?

Фиона толкнула сестру локтем в бок.

– Потому что у нас лучшее оборудование!

– Именно, – подтвердила Сабина. – Приборы ночного видения, бронежилеты, рации.

– Ух ты! – завизжала Фиона. У Керстин округлились глаза. У Конни отвисла челюсть.

Тут раздался стук в дверь, и в детскую заглянула сестра Сабины:

– Пора спать. Пожелайте Сабине спокойной ночи.

¹ Собор Пресвятой Девы Марии.

– Послезавтра мы будем работать на бабу! – взволнованно выкрикнула Конни, самая младшая.

– Шшш! – Сабина чуть заметно покачала головой. – Тайное задание, – прошептала она Конни. – Ни слова вашей маме, иначе ей будет угрожать опасность.

– Вот это да! – зашумели девочки.

Сабина обняла племянниц и поцеловала каждую. Потом выключила свет, прикрыла дверь, оставив небольшую щель, и пошла к сестре в прихожую.

Моника с наигранным возмущением покачала головой:

– Что ты им постоянно рассказываешь?

– Они обожают такие истории.

– Знаю, – вздохнула Моника. – Мои рассказы о феях, эльфах и принцессах уже не нужны. Только не переборщи!

Сестра, которая была старше на три года, прислонилась к дверной раме, но все равно казалась на полголовы выше Сабины. Невероятно, что они сестры. Хотя Сабина была ниже, всего метр шестьдесят, Бог, к счастью, наградила ее тренированным мускулистым телом. Она называла это *компенсирующей справедливостью*. Сестра бросила учебу в сфере торговли и сейчас работала по полдня в городском музее, выдавая посетителям аудиогиды, а Сабина ходила в спортивную гимназию и продолжала тренироваться по сей день. Пробежки, пилатес и горный велосипед. Некоторые коллеги подтрунивали над ней – она что, пытается так компенсировать свой небольшой рост? Плевать! Она должна оставаться в хорошей форме ради своей работы.

Моника погладила Сабину по темно-каштановым волосам и пропустила мелированную прядь между пальцами.

– Серебристая прядь тебе идет.

– Я знаю, спасибо. Из Марокко, после нашей последней операции со службой безопасности. Керстин тоже хочет такую.

– О господи. – Взгляд Моника упал на золотой медальон в форме сердечка на шее Сабины, и старшая сестра посерьезнела.

Подарок отца. Сабина носила его с тех пор, как десять лет назад их родители расстались и обе сестры переехали с матерью из Кельна в Мюнхен. Сабина знала, что творится в душе у сестры. После развода родителей Моника перемыла отцу все косточки и избавилась от всего, что напоминало о нем. Она никак не могла принять, что Сабина по-прежнему привязана к отцу. При этом все было так просто: в разводе не бывает виноват кто-то один. Именно Моника должна знать это лучше других.

– Ты уже получила алименты за этот месяц? – спросила Сабина.

Моника выпустила ее волосы.

– Он не платил уже три месяца.

– Вот дерьмо! – выругалась Сабина. Ее бывший зять настоящий подонок.

– Тише! – Моника ухмыльнулась и указала на чуть приоткрытую дверь детской. – Хулиганки уже это повторяют.

– Э-э... – Сабина состроила гримасу. Потом снова посерьезнела. – Может, мне стоит вмешаться?

– Нет. Габриель заплатит.

Сабина кивнула. Взяла служебное оружие с комода и сунула в кобуру. Больше всего она хотела нанести Габриелю визит. Ее сестра, мать-одиночка с тремя девочками, едва сводила концы с концами – работая на полставки в музее и ютясь в пятидесятиметровой квартире. Она спала в гостиной на диване, а девочки занимали единственную спальню. Но господин адвокат не давал ни цента.

Сабина сунула кошелек в карман куртки и зашнуровала ботинки.

– Если тебе понадобится помощь, позвони мне – у меня ночная смена, ты можешь застать меня в полицейском участке. – Она пристегнула полицейский значок к ремню и надела куртку. Ее нижний край скрывал «вальтер» и запасную обойму на поясе.

– Знаю, малышка. – Моника обняла ее и, прижав к себе, долго не отпускала. – Спасибо. Без тебя я сошла бы с ума.

– Все будет хорошо. Завтра придет мама и присмотрит за девочками, верно?

Моника кивнула.

– Кстати, как у мамы дела? Ты же снова ходила с ней в пятницу вечером на этот странный курс?

Курс пилатеса не был странным, только тренер – пятидесятилетняя, тощая как скелет женщина. Тут Сабина снова ощутила странное покалывание в желудке.

– Мне пришлось отменить встречу. Было полно работы, да и чувствовала я себя не очень.

– Ой-ой. – Моника подняла брови. – Как отреагировал старый дракон? Пошел один?

– Ты же знаешь маму. Вероятно, нет. Я оставила ей на автоответчике сообщение, что приму таблетку паркемеда и залезу в постель. С тех пор ничего от нее не слышала.

– Она даже не перезвонила? Нетипично для мамы.

Абсолютно! Уже несколько дней Сабину мучали угрызения совести, потому что она, лежа в пижаме на диване, посмотрела две серии «Тайн великих магов» и заснула, вместо того чтобы идти на тренировку. Но ведь ее мать самостоятельная женщина, которая может позаботиться о себе сама.

– Когда она придет завтра, поцелуй ее от меня. Мы наверстаем занятия пилатесом в эту пятницу.

– Хорошо, а теперь – вперед! – Моника шлепнула Сабину по ягодицам. – В погоню за негодяями! – Моника состроила злобную гримасу и согнула пальцы, изображая когти.

Сабина спустилась на лифте и вышла из многоквартирного дома, в котором жила ее сестра. По вечерам район рядом с Восточным вокзалом был небезопасен. Ее машина стояла на противоположной стороне улицы под мигающим фонарем. Она уже собралась открыть дверь автомобиля, когда из тени деревьев к ней бросился какой-то мужчина.

Сабина машинально опустила руку на пистолет.

– Белочка!

– Папа? – Что он делает в Мюнхене?

Отец выглядел ужасно. Осунувшееся лицо казалось еще темнее из-за трехдневной щетины. Под глазами синяки, словно он не спал несколько дней подряд.

– Я поехал к тебе домой, но тебя там не было. В участке сказали, что твоя смена скоро начнется, – и я подумал, что ты у Моника.

Сабина посмотрела на часы. Начало девятого. Ей нужно на работу.

– Почему ты не приехал ко мне в офис?

Слезы потекли по его щекам.

– Папа, ради бога, что случилось?

Он обнял ее и прижал к себе.

– Мне так жаль, Белочка!

С трех лет он называл ее Белочкой из-за густых каштановых волос и больших карих глаз. В подростковом возрасте она этого стыдилась, сейчас, будучи взрослой женщиной, еще больше.

– Серебристая прядь очень тебе идет, – всхлипнул он, слезы снова потекли по его лицу.

– Спасибо. – Она погладила его по плечу. – Успокойся. Что такого ужасного произошло?

– Твою мать похитили два дня назад.

– Что? – Сабина высвободилась из его объятий. – Откуда ты это знаешь?

Он провел пальцами по щетине. Руки его дрожали. Он больше не был похож на того крепкого шестидесятилетнего мужчину, который в свободное время все еще ремонтировал старые поезда, – отец постарел на несколько лет.

Похитили? Кто мог похитить маму?

Ситуация казалась ей странной. Два дня назад она собиралась идти с мамой на курс пилатеса и оставила ей сообщение на автоответчике. И вдруг появляется отец, который живет в Кельне, в пятистах километрах.

Сабина вытащила из кармана рабочий сотовый телефон и набрала номер матери. Голосовая почта. Сабина набрала другой номер. После восьмого гудка на домашнем телефоне включился автоответчик.

– Когда ты узнал, что маму похитили?

– Он позвонил мне сорок восемь часов назад.

Он? Сабина с недоверием посмотрела на отца.

– Ты общался с похитителем? – Сабина убрала телефон обратно в карман. – Ты сообщил в кельнскую полицию?

– Я ни с кем об этом не говорил.

– Ты с ума сошел? – вырвалось у Сабины. Только не потерять самообладание. По опыту работы в оперативном отделе полиции она знала, что свидетели путаются в самых простых фактах, когда им начинают задавать множество вопросов. И сейчас ей следовало собраться, чтобы не наброситься на отца с расспросами. – Садись в машину и расскажи мне все по порядку. Мы поедем на мой пост.

– Нет! Он сказал, что убьет ее, если я подключу полицию.

Убьет? Сабина огляделась: мимо них по дороге проезжали машины, несколько прохожих шли по тротуару. Она понизила голос.

– Думаешь, он следит за нами?

– Я не знаю... наверное, уже нет.

Уже нет?

– Отец, пожалуйста! Садись в машину. По дороге в участок ты мне все расскажешь.

Он неохотно залез в автомобиль. Когда машина тронулась с места, Сабина автоматически включила CD-плеер. Из колонок раздался гнусавый голос рассказчика. Аудиокнига Давида Сафира «Иисус любит меня». Сабина выключила плеер.

Они уже ехали по Розенхаймерштрассе в направлении реки Изар, когда Сабина повернулась к отцу:

– Пристегнись, пожалуйста.

Дрожащими руками он потянул за ремень.

– Два дня назад мне домой позвонил мужчина и измененным электронным голосом сказал: «Господин Немез, если вы в течение сорока восьми часов выясните, почему вашу бывшую жену похитили, она останется в живых. Если нет, то она умрет».

– Он так сказал? – Это какое-то недоразумение.

Отец кивнул.

– Единственная подсказка, которую я нашел, – это коробка перед дверью моей квартиры. В ней лежал маленький пузырек с чернилами.

– Ты ведь к нему не прикасался?

– Конечно, прикасался. Я его открыл. Внутри черные чернила.

– Если бы ты ничего не трогал, а сразу позвонил мне, мы бы начали масштабные поиски.

Если бы, если бы, если бы...

– Он сказал, что убьет ее!

– Может, все это неправда, и кто-то...

– Сабина! – перебил ее отец. – Я слышал ее голос по телефону. Она умоляла о помощи.

Потом он оттащил ее.

У Сабины перехватило дыхание. Кажется, все плохо. Мама никогда не попросила бы отца о помощи.

– Попытайся вспомнить. Когда именно истекают сорок восемь часов?

– Они уже истекли, – тихо произнес он.

Сабина увидела, что он глазами ищет электронные часы на панели приборов.

– Почти пятьдесят минут назад он снова мне позвонил и задал тот же вопрос. Потом сказал, что срок вышел, и повесил трубку.

Сабина выехала на мост Людвига через реку Изар. В воскресенье вечером движение было не таким медленным, как обычно, но неторопливо катящиеся машины все равно раздражали. Она вытащила рацию и связалась со своим полицейским участком. Колонович, начальник ночной смены оперативного отдела полиции, ответил гнусавым голосом.

– Привет, Вальтер, это Сабина Немез, – перебила она его. – Около сорока девяти часов назад была похищена женщина. Ханна Немез, шестьдесят пять лет. Десять лет назад переехала из Кельна в Мюнхен и проживала на Винцерштрассе, в Западном Швабинге, в прошлом директор начальной школы, сейчас на пенсии. Мы должны немедленно начать ее поиски.

Мужчина на другом конце какое-то время молчал. Вероятно, записывал информацию. Потом прочистил горло:

– Бина, ты говоришь о своей матери?

– Да. Я направляюсь в отделение.

Он снова откашлялся, словно раздумывал.

– Не хочу тебя волновать, но несколько минут назад поступило сообщение. Священник и смотритель собора нашли труп пожилой женщины в центральном нефе.

– О нет! – Ее отец прижал ладони ко рту. Снова по его щекам покатались слезы.

Фрауэнкирхе, кафедральный собор Пресвятой Девы Марии, считался символом Мюнхена. Главное полицейское управление, отделения и участок Сабины находились на Эттштрассе, в нескольких минутах ходьбы от собора. Сабина знала короткий путь. Резко затормозив, она пересекла перекресток с круговым движением и свернула на боковую улочку, ведущую в район Альтштадт. Покрышки взвизгнули, позади засигналили автомобилисты. Отец вцепился в поручень. Между крышами домов уже виднелись освещенные башни собора с массивными куполами.

– Мы еще не знаем, кто она, – быстро добавил Колонович.

Но Сабина не могла сдержать отчаяния.

2

Молодым остается тот, кто радуется будущему так же, как и прошлому, – эта поговорка подходила отцу Сабины больше всех, кого она знала. Но сейчас в его опухших от слез глазах она видела боль последних дней. Ее родители развелись после жуткого спора по поводу денег и права родительской опеки. С тех пор Сабина думала, что их отец оправился от расставания, смог забыть бывшую жену, – но в эти минуты увидела, что он безгранично по ней скучает. Сабина припарковалась вторым рядом в начале пешеходной зоны и положила под стекло зеленое пластиковое удостоверение оперативного отдела полиции.

– Жди здесь, – сказала она отцу и вышла из машины.

– Разве тебе туда можно, Белочка? – крикнул он ей вслед.

– Папа, я комиссар. – В двадцать шесть лет она была самым молодым комиссаром в оперативном отделе мюнхенской полиции. Как связующее звено с уголовной полицией их часто называли «пожарными полиции». Когда служащий уголовной полиции появлялся на месте преступления, были уже сняты все отпечатки, установлена причина смерти и опрошены свидетели.

Сабина побежала через площадь к главному portalу Фрауэнкирхе. Освещающие кирпичный фасад прожекторы придавали ему мрачный оранжевый оттенок. Массивные двери были настолько огромные, что, стоя на площади перед главным порталом, Сабина не видела даже стрелок на часах. Еще выше в темноте оба купола светились странным зелено-ватого-голубым цветом.

На площади стояла только небольшая группа подростков. Да несколько уличных музыкантов играли под фонарем. Они окружили большой рекламный стенд, который сообщал о мессе папы римского в соборной церкви за неделю до Троицы. Значит, «баба», как назвала его Конни, действительно приезжает в Баварию. Сабина подумала о секретном задании и истории, которую она хотела рассказать племянницам в следующий раз.

Сабина прошла мимо автомобиля уголовной полиции, который стоял посередине площади, и локтем отодвинула тяжелые ворота, чтобы не смазать отпечатки. Ее коллегам не нужно было пользоваться отмычкой. Замок был взломан большим долотом, на полу валялись щепки. На деревянной раме остались следы шириной несколько сантиметров, которые невозможно не заметить. *Хоть бы это была не мама...* Мысль казалась такой нереальной. Вероятность того, что это убийство и похищение ее матери как-то связаны, очень мала. Такого просто не может быть. Но именно поэтому Сабина и ощущала смутную уверенность, которая холодным камнем лежала в животе.

В главном нефе было пусто и темно. Люстры, как мрачные шары, парили над скамьями. Кое-где горели свечи. Тусклый уличный свет проникал внутрь через узкие цветные окна. Пахло ладаном, воском и старым деревом. К своему стыду, Сабина должна была признать, что последний раз была в этой церкви три года назад, – и то лишь чтобы зафиксировать следы вандализма и порчи имущества.

Многочисленные колонны придавали помещению собора сходство с чересчур высоким лабиринтом. Сабина направилась по широкому проходу к алтарю. Шаги по мраморному полу гулко звучали в тишине. Как ей отыскать своих коллег во всех этих часовнях, галереях, сакристии и крипте? Вдруг где-то за ее спиной мелькнула световая вспышка, и Сабина развернулась. Над полукруглой аркой главного нефа располагалась западная эмпора в виде широкого балкона. На ней возвышались серебряные органные трубы. Еще одна вспышка. Ее коллеги собрались вокруг органа. Сабина поискала глазами лестницу, которая вела на эмпору.

Сегодня дежурили Симон и Валнер. В стороне ждали священник в черной сутане и пожилой лысый мужчина в вязаной жилетке и серых штанах на резинке. Старик, видимо тот самый смотритель, взволнованно заламывал подагрические руки. Хотя больше здесь никого не было, территорию оградил. Подиум освещали два прожектора. Под одним из сводов, над которыми виднелись органные трубы, на ступенях стояли стулья для хора. Там Валнер и разложил содержимое своего чемоданчика. Когда Сабина только пришла в оперативный отдел, он уже слыл легендой мюнхенской уголовной полиции. На одном из стульев лежал его контрольный список. По числу проставленных галочек Сабина поняла, что он только начал. Как всегда, зачесал волосы набок, чтобы прикрыть лысину. Напрасные мучения. Через несколько лет волосы станут тонкими, как папиросная бумага, и тогда это будет выглядеть нелепо. Но все равно он отличный парень и приятный коллега.

– Привет, Бина. – Валнер быстро взглянул вверх и провел кисточкой по белому порошку на подлокотнике стула. Пустая затея. Он обнаружит десятки различных отпечатков пальцев и в два раза больше фрагментов.

Симон, коллега помладше, тоже поднял глаза:

– Тебя Колонович сюда прислал?

Она не ответила. Симону около тридцати пяти, уже лет десять работает в оперативном отделе вместе с Валнером. Единственный из ее коллег, кого можно назвать красавчиком. Раньше после смены они частенько ходили в ирландский паб на Бетховенплац, и даже два раза к ней домой. Сабина знала, что это не большая любовь, и все равно позволяла ему ухаживать за ней. Но потом он неожиданно женился на другой. Конечно, Сабина сразу же порвала с ним. Она не знала, что творилось в его голове, да и не спрашивала. Симон склонился над трупом, который лежал под пультом органа. Только ноги торчали. На женщине была кремового цвета юбка, но ни обуви, ни чулок. Ее голые ноги были прикованы цепью к металлическим ножкам музыкального пульта.

– Кто погибшая? – спросила Сабина.

Симон выключил диктофон.

– У нее с собой нет удостоверения личности. Пока мы только знаем, что она не работала в церкви.

– Мне надеть бахилы?

– Не обязательно. – Симон поднял глаза. – Но, если собираешься подойти ближе, будь осторожнее, не наступи в чернила.

Чернила! Только сейчас Сабина увидела черные брызги на полу. Она подумала о пузырьке с чернилами, который упоминал ее отец. У Сабины стиснуло грудь и внезапно появилось чувство, что сердце вот-вот разорвется.

– Что произошло? – прохрипела она.

– Я как раз почистил скамьи в боковой секции, – пробурчал смотритель у нее за спиной. – И вдруг услышал органную музыку. Я сходил за священником, а когда мы побежали наверх, игра прекратилась. Никого не было. Только эта мертвая женщина.

Сабина подошла ближе. Клавиши органа-монстра напоминали пульт управления в кабине пилота. Клавиатуры на четырех уровнях и две полукруглые боковые панели с многочисленными кнопками и переключателями. Банкетка отодвинута в сторону. Труп лежал на спине. Его руки тоже были прикованы цепью к ножкам стола. На жертве была надета модная фиолетовая блузка. Сабина узнала ее. Она опустилась на колени, чтобы посмотреть на лицо женщины.

– Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что это не простое убийство. – Валнер сделал паузу. – Скорее казнь, которая...

Сабина больше не слушала. Она не могла оторваться от расширенных от ужаса глаз матери. Лицо бледное, как у призрака. Из рта торчала гибкая трубка шириной с большой

палец, к концу которой была прикреплена воронка. Рядом стояла черная канистра. Ее бездыханная мать лежала на холодном полу. Мороз охватил тело Сабины. Это невозможно! Разве ее мама может лежать здесь? Как ни странно, в голове вертелось только одно: Керстин, Конни и Фиона! Как им сказать, что бабушка лежит здесь, а Симон ее фотографирует?

У Сабины закружилась голова. Казалось, что холодный воздух собора и запах воска и ладана все быстрее вертятся вокруг нее. Сабина оперлась ладонью о пол. Она хотела, чтобы ее мама пошевелилась, закрыла глаза, снова открыла и села. Вставай же! Сабина невольно задержала дыхание. Не могла вдохнуть. Она давилась, ощущала желудочный сок во рту и соленые слезы на губах.

Священник, оказавшийся рядом, положил руку ей на плечо:

– Что с вами? Вы знаете эту женщину?

Валнер и Симон подошли ближе:

– Бина!

Зрачки ее матери! Такие прозрачные, еще не помутневшие. Что-то изменилось в ее лице – казалось другим. Необычным. Но Сабина не могла понять, что именно. Она лишь знала, что у нее было сорок восемь часов, чтобы найти маму живой.

Кто-то попытался оттащить ее от матери.

Вдруг Сабина закричала:

– Нет, нет, нет...

3

Сабина сидела ночью в своем бюро с чашкой горячего кофе. Ничто – ни учеба в полицейской школе, ни работа в оперативном отделе – не могло подготовить ее к тому, что однажды придется вот так обнаружить свою мать. И все равно – а может, именно поэтому – она задавалась вопросом, найдут ли ее коллеги преступника. Возможно, убийство ее матери никогда не будет раскрыто.

В настоящий момент Сабина занималась абсолютно неважными вещами, но она хотела отвлечься, и тем не менее ее мысли вертелись как белка в колесе. Апатично она думала об оглашении завещания и подготовке к похоронам. Лучше похоронить маму в Кельне или Мюнхене? Сабина и ее сестра выросли на бабушкиной ферме в Баварии и переехали в Кельн только из-за работы отца, который занимался ремонтом и реставрацией железнодорожного транспорта. Там мама работала сначала учителем, а потом директором школы. Но в глубине души всегда оставалась баваркой... до самой смерти. Слезы навернулись Сабине на глаза.

Моника сойдет с ума от горя, когда узнает о смерти мамы. Как объяснить Керстин, Конни и Фионе, что бабушка больше не придет их навестить? Больше нет смысла тянуть. Она набрала номер Моника. По голосу поняла, что та еще не спала. И рассказала сестре о том, что случилось.

– Убита? – Моника была на грани истерики.

– Да. Мне приехать к тебе?

– Нет... – Моника разрыдалась. – У тебя наверняка полно дел.

– Прежде всего я должна присмотреть за отцом.

– Он здесь?

Сабина рассказала всю историю, ненавидя себя за эту роль гонца, приносящего дурные вести.

– Постарайся заснуть, – сказала она на прощание и отключилась.

Сабина долго смотрела на телефонную трубку. Отец сидел в комнате ожидания в конце коридора. После нервного срыва в церкви Валнер привез ее на служебной машине в участок и предложил успокоительное, но Сабина отказалась. В это время патрульный полицейский отвез ее отца в управление. Сабина знала, что он воспринял известие о смерти бывшей жены так же тяжело, как она. Но сейчас ей было все равно. Она все еще не могла поверить, что отец молчал о похищении сорок восемь часов. *Ты должен был позвонить мне!* Она специально оставила его одного в комнате ожидания, потому что знала, как отреагирует, как только увидит. Сабине хотелось наброситься на него с кулаками... *Сорок восемь часов!*

Она встала и посмотрела на настенные часы. Пять минут двенадцатого. Утром об убийстве в соборе сообщат по радио, в газетах новость появится лишь в вечерних выпусках.

В комнате ожидания пахло свежесваренным кофе, но отец не притронулся к чашке. В мусорном ведре лежало несколько носовых платков. Он сидел с покрасневшими глазами на деревянной скамье и смотрел на стену перед собой. Пальцы барабанили по подлокотнику. Увидев Сабину, он вскочил.

– То, что мне рассказали твои коллеги, – это правда?

Сабина кивнула.

– О господи, Белочка! – Плача, он прижал Сабину к груди, и в следующий момент ее злость и ненависть к отцу испарились. – Мне так жаль, – всхлипывал он. – Твои коллеги хотят меня допросить.

Она высвободилась из его объятий.

– Папа, это не допрос... просто несколько вопросов.

– Что я должен им рассказать?

Это просто невероятно! Какой глупый вопрос! Таким беспомощным она своего отца еще не видела.

– Правду, конечно, – сказала Сабина.

– Правду? Я знаю, как это будет, – фыркнул он. – Как только я упомяну, что уже два дня в курсе похищения твоей матери, меня обвинят в содействии в убийстве, потому что я ничего не предпринял. Не секрет, что мы два года вели «войну роз» и с тех пор находились в ссоре. Да я из этого не выкарабкаюсь.

– Отец! – Сабина начинала паниковать. – Ты *должен* рассказать правду. Ничего не скрывай, мне все равно это станет известно. – Она насторожилась. – У тебя ведь есть алиби на этот вечер?

Он пожал плечами.

– Сегодня утром я приехал в Мюнхен в надежде, что парень снова позвонит. Но он не давал о себе знать весь день, только вечером... А квартира твоей матери оказалась взломана.

Сабина схватила отца за руку.

– Ты был там? Ты ведь ни к чему не прикасался?

– Я... я не знаю. – Он махнул рукой.

В этот момент дверь открылась, и вошел Валнер.

– Господин Немез?

Отец Сабины глубоко вздохнул и выпрямился, словно пытаясь сохранить самообладание.

– Мы должны снять у вас отпечатки пальцев, это стандартная процедура, – объяснил Валнер. – И потом у нас будет несколько вопросов.

Сабина заметила, что отец оцепенел, а его взгляд стал холодным.

Пока с отцом беседовали, Сабина наведлась в бюро своего начальника. Колонович, которому скоро должно стукнуть пятьдесят, был великаном с широкими плечами, горчичного цвета волосами и бородой. Из-за морщинок и кругов вокруг глаз он выглядел старше своих лет. Иногда – например, сегодня – своим телосложением и сонорным голосом он напоминал бога Зевса. Нацепив очки для чтения, Колонович рассматривал пачку фотографий. Рядом с ним за столом сидел Симон. Они обсуждали это дело.

Когда Сабина кашлянула, Колонович поднялся и направился к ней. Взял ее руки своими лапами.

– Бина, мне очень жаль. Если хочешь, кто-нибудь из коллег отвезет тебя домой. Я дам тебе два дня отпуска.

– Спасибо, но сейчас я должна чем-то себя занять, иначе свихнусь.

Колонович кивнул:

– Ладно. Симон собирается осмотреть квартиру твоей матери. – Он бросил на коллегу взгляд. – Бина, откуда ты вообще узнала, что твою маму похитили?

Это был главный вопрос, который занимал всех. Она надеялась, что отец ничего не утаил и не пытался приукрасить.

– Мне сообщил отец.

Колонович не хотел мучить ее дальше.

– Ясно, – пробормотал он. – Скоро мы будем знать больше.

– Я поеду с Симоном в квартиру, – заявила она.

– Нет, он займется этим один.

– Это отвлечет меня, – возразила Сабина.

– Бина, я сказал – нет; а теперь марш отсюда!

Скрестив руки на груди, Сабина ждала перед машиной Симона. Около часа ночи температура воздуха была плюс пять градусов.

Симон поставил чемодан рядом с автомобилем и провел рукой по коротким светлым волосам.

– Так и знал, что ты здесь появишься.

– Общая входная дверь никогда не запирается, но на квартирной надежный замок. – От отца Сабина знала, что дверь взломали, но все равно вытащила, гремя, связку ключей. – Тебе понадобится поднять с постели управляющего, а в такое время это вряд ли удастся.

Он кивнул.

– Ладно, залезай, но шефу ни слова.

Можно не сомневаться, она ничего не расскажет.

Через двадцать минут они приехали на Винцерштрассе в Западном Швабинге. Симон припарковался перед четырехэтажным жилым домом из желтого кирпича с искусной лепниной. Лунный свет проникал сквозь листву деревьев, кованный забор отбрасывал короткие тени на тротуар. У Сабины сдавило грудь, когда они с Симонам – у каждого в руке тяжелый чемоданчик – открыли железную калитку и направились к дому. Все как при любом выезде на место преступления – и все равно ей казалось, что она просто навещает маму. Такой знакомый путь. Мусорный бак в нише, ржавый велосипед под навесом, таблички с именами на домофоне. Сабина толкнула дверь, которая со щелчком открылась.

Симон последовал за ней по лестнице на мансардный этаж. В воздухе стоял спертый запах фритюрного масла. Из-за одной квартирной двери раздавались приглушенные звуки работающего телевизора. Завтра утром Симон должен будет опросить жильцов, большинство из которых Сабина знает лично.

Мамина квартира единственная на верхнем этаже. Оставшаяся часть стропильной фермы находилась в открытом доступе. Летом здесь часто развешивали сушить одежду. Из-за многочисленных уклонов и скосов крыши почти все шкафы, комоды и стеллажи в квартире были сделаны на заказ – и оплачены отцовскими алиментами, которые мама получала после развода.

Не думай о родителях! Сегодня ночью это просто место преступления, как любое другое.

– Все в порядке? – спросил Симон.

– Да. – Сабина еще не до конца осознала, что ее матери больше нет в живых. Наверняка эти чувства накроют ее позже и куда сильнее. Но сейчас она была словно в трансе и хотела поскорее заняться расследованием.

– Что тебе удалось найти в соборе? – спросила она.

Симон, тяжело дыша, поднимался рядом с ней по лестнице.

– Никаких отпечатков на ведре, трубке, воронке или цепях. Я уверен, что убийца не оставил ничего на органе и взломанной двери.

– Возможно, на трупе.

– Бина, ты знаешь, сколько стоит вапоризация, и до сих пор мы практически никогда не находили отпечатков пальцев на коже.

– Но мы могли бы попробовать.

– Поговори с судмедэкспертом, – предложил Симон. – Труп повезли в отделение патологической анатомии. Сегодня ночью дежурит доктор Хирншаль.

О господи! Этот старый скряга никогда не согласится на вапоризацию, пусть даже на столе для вскрытия окажется его собственная мать. Он постоянно затягивал с исследованиями. Коллеги из отдела по расследованию убийств уже неделю ждали патологоанатомического заключения по трем чехам-гастарбайтерам, которые сгорели в автофургоне на шоссе. У Сабины был единственный шанс: она должна поговорить с прокурором. Но предваритель-

ная информация по делу будет направлена в прокуратуру только завтра утром. Кому бы ни поручили этим заниматься – она прилипнет к нему как репей.

Она посмотрела на Симона:

– Ты знаешь, что именно играли на органе? Это звучало профессионально или по-дилетантски?

Симон бросил на нее пронзительный взгляд:

– Хочешь еще раз опросить свидетелей? Бина, мы и так наткнемся на что-нибудь, что нам поможет.

Например, на звонок похитителя, подумала Сабина. Его электронный измененный голос, загадки и пузырек с чернилами, который он оставил отцу в качестве подарка и который отец брал в руки.

Какой же идиот!

Они подошли к двери.

– Это взлом, – констатировала Сабина.

Замок был погнут. Отпечаток долота на деревянной раме походил по размерам на тот, что они уже видели на двери собора. На ручке болтался пластиковый пакет с брошюрами. Взломщик действительно постарался и так ловко прикрыл дверь, что разносчику рекламы, похоже, не бросилось в глаза ничего подозрительного. Отец, вероятно, точно так же закрыл за собой дверь после визита.

– И почему у меня такое ощущение, что ты это уже знала? – спросил Симон.

Он прислонил к двери складной метр, сфотографировал следы взлома и снял отпечатки пальцев с ручки. Затем они надели бахилы и латексные перчатки и вошли в квартиру. Внутри пахло чаем. В коридоре булькала батарея. Сабина включила свет. Она рассчитывала увидеть перевернутые вазы, сдвинутую мебель, открытые шкафы или разбросанную по полу одежду. Ничего подобного. Все было как всегда. Мамины туфли стояли на подставке для обуви, новые жакеты висели на крючках. Пропала только сумка, которая обычно стояла рядом с зеркалом. Никаких следов борьбы! Только черные полосы на белой стене, словно начерченные углем.

– Если твою мать похитили отсюда, – размышлял Симон вслух, – убийца поджидал ее в квартире.

Сабина тоже так считала. Иначе бы маму насторожил треск дверной рамы. Но почему она не заметила, что дверь взломана? Сабина прошла в гостиную. И здесь все выглядело как всегда. На автоответчике только одно сообщение. Сабина включила его и услышала собственный голос, который отменял поход на курс пилатеса в пятницу. Неожиданно внутри зашевелились угрызения совести. Эти чертовы две серии «Тайн великих магов»! Если бы вместо этого она поехала к маме, возможно, похищение удалось бы предотвратить. По крайней мере, она обнаружила бы следы взлома, и уголовная полиция могла бы раньше начать расследование. Она связалась бы с отцом и узнала о таинственном звонке и пузырьке с чернилами.

Если бы, если бы, если бы... проклятье!

Голос Симона вырвал ее из раздумий.

– Ты занимаешься пилатесом? Я и не знал.

А ты был помолвлен? Я тоже не знала!

Почему-то ей не везло с мужчинами. Эрик, любовь ее юности, работал в Висбадене, а Симон никогда не хотел с ней серьезных отношений.

– Да, три месяца. – Сабина нажала на кнопку повтора. На дисплее высветился ее номер телефона. В тот же момент в кармане ее куртки завибрировал сотовый. Сабина сбросила звонок. Было бы слишком по-дилетантски, если бы похититель звонил с этого аппарата.

Она слышала, как на кухне Симон открывает и закрывает шкафы и ящики. При мысли, что он вторгся в интимную сферу ее матери, Сабина содрогнулась. Но это его работа – и Симон знает свое дело. По крайней мере, в профессиональном плане.

– Если он ждал здесь твою маму, то должен был как-то коротать время до ее прихода, – сказал Симон из кухни.

Сабина осмотрела телевизор и спутниковый ресивер и сняла отпечатки с пульта дистанционного управления. Последним работал ARTE, мамин любимый канал. Она обо- жала смотреть старые фильмы и спектакли французских и итальянских режиссеров. Будучи на посту директора начальной школы, она мучила своих маленьких подопечных текстами Марии фон Эбнер-Эшенбах и мифами Древней Греции. Можно сказать, перегибала палку. Но она была такой. С собственными дочерьми мама пыталась проделать то же самое – в результате ни Сабина, ни ее сестра книг не читали. Сабина хотя бы слушала в машине аудиокниги Давида Сафира и Томми Яуда. Конечно, не высокая мировая литература, но это ее подбадривало. Острых ощущений и напряжения ей хватало на работе. Для баланса было необходимо что-то с юмором, если она не хотела вконец разочароваться в жизни, как ее кол- леги Симон, Валнер и Колонович.

Она не собиралась вечно оставаться с этой компанией циников, Сабина хотела бы пере- вести в Федеральное ведомство уголовной полиции в Висбадене. Ее шансы выглядели не так уж плохо, все-таки женщины составляли там одну треть. Но она подала уже три заявле- ния на обучение по направлению «психолог-криминалист» – все три были отклонены без каких-либо комментариев.

– Не думаю, что парень смотрел телевизор, – крикнула Сабина в кухню.

Одного взгляда на диван было достаточно, чтобы убедиться в этом: подушки взбиты и разложены именно так, как это всегда делала ее педантичная мать. Рядом с телевизором лежало несколько аудиокниг, которые Сабина одолжила маме несколько недель назад, чтобы та послушала что-нибудь другое, а не только мифы и легенды Древней Греции. Словно в трансе Сабина уставилась на диски. Гера Линд и Эфраим Кишон. Странное чувство охватило Сабину при мысли о том, что ее мать уже никогда не будет слушать эти записи.

В шкафчике под телевизором стояла шкатулка для украшений, в которой мама хранила часы, кольца и цепочки. На первый взгляд ничего не пропало. В глубине шкафа лежал завер- нутый в подарочную бумагу пакет. Сабина вытащила его. Тяжелый альбом с репродукци- ями? Голубая бумага, желтая ленточка. К пакету была прикреплена открытка. Сабина под- несла ее к свету. «Для моей малышки. С днем рождения! *Мама*». Сабине стало больно. Ее мать была предусмотрительной женщиной. Открытка была датирована на две недели впе- ред – четвергом 9 июня – днем рождения Сабины. Теперь перед празднованием состоятся похороны.

– Твоя мама пила кофе без молока?

Сабина отодвинула подарок и закрыла шкаф. «Пила», в прошедшем времени. Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и посмотрела вверх, на потолок.

– Только чай, в основном Twinings... а что?

– Здесь стоит наполовину пустая чашка с черным кофе.

Сабина прошла в кухню. На кофемашине, которую мама включала, лишь когда к ней приходили Моника или Сабина, горела красная лампочка. На столе стояла чашка с ложкой, рядом сахарница.

– Он пил кофе, а твоя мама застала его врасплох, – продолжал Симон. Выплеснул остатки кофе и положил чашку в пластиковый пакет. – Возможно, анализ ДНК что-нибудь покажет.

Сабина представила, как тот парень ждал ее маму. Хотя она старалась отогнать от себя эти мысли, картинки то и дело всплывали перед ее внутренним взором. Наверное, он услы-

шал ее шаги на лестничной площадке и побежал к двери. Наверняка ей бросились в глаза следы взлома, но мерзавец или втащил ее в квартиру, угрожая оружием, или нейтрализовал каким-то наркотическим средством или ударом по голове.

– Бина, ты должна это увидеть.

На полу валялась мамина черная сумка. На пластиковых ножках белела краска со стены. Полосы в коридоре! Видимо, во время борьбы мама оказалась прижатой к стене.

Содержимое сумочки было вытряхнуто на комод. Симон ковырялся ручкой-фонариком: пачка сигарет, зажигалка, кошелек, тени для век, помада и зачитанная «Шахматная новелла» Цвейга с множеством загнутых уголков.

– В кошельке почти двести евро, – объявил он. – Нашему убийце деньги не нужны.

Как и сережки или жемчужные бусы. Невольно Сабина подумала о маминой страховке на случай смерти и прочей бюрократической ерунде. *Господи, да сконцентрируйся же!* Симон отодвинул пачку жевательной резинки. При виде упакованного в фольгу презерватива Сабину бросило в жар. Есть ли у нее право вторгаться в интимную сферу ее матери?

– Чего-нибудь не хватает? – спросил Симон.

– Телефона и адресной книги, – ответила Сабина.

С их помощью он связался с ее отцом.

Неожиданно она поняла, почему убийца выбрал ее отца. Она бросилась из кухни в спальню. Окно было откинута, на кровати свежее постельное белье. И все равно в комнате пахло мамиными духами. На комодке рядом с зеркалом расставлены фотографии в рамках: Сабина, Моника и три племянницы. Сабина настояла и на фото их отца из последнего совместного отпуска на Северном море – загорелый, в соломенной шляпе от солнца и с сияющей улыбкой. На плечах у него сидит Сабина – в одной руке стаканчик мороженого, черная кепка машиниста сползла на глаза. И сегодня это была ее любимая фотография.

На ковре лежали осколки стекла. Кто-то вынул снимок из фоторамки.

4

Хелен Бергер резко села в постели. Ее сердце бешено колотилось. Снаружи на горизонте уже светлела серебряная полоса. Куда запропастился чертов будильник? Она ощупала прикроватную тумбочку и задела нескрепленный манускрипт. Пачка бумаги съехала на ковер. Научно-популярный труд о диссоциативном расстройстве личности, который она уже две недели корректировала по ночам, когда Франк засыпал. Закладка наверняка выпала... Шелест не разбудил Франка. Как это на него похоже! Он тихо посапывал рядом. Наконец она нашла будильник и включила подсветку. 04:58. Слишком рано для разносчика газет. Да и лай Дасти звучал как-то по-другому.

Хелен спустила ноги с кровати и прислушалась. Рычание Дасти становилось все более угрожающим. Обычно он никогда не выбегал по ночам наружу через дверцу для собак. Но сейчас Дасти почему-то сидел на краю участка и лаял на что-то на улице или в поле. По крайней мере, так казалось через откинутую фрамугу окна. А сегодня даже не полнолуние.

Хелен накинула короткий халат и выскользнула из спальни. Над домом проплывали тучи. На миг лунный свет проник через мансардное окно и осветил проход и лестницу, которая вела на нижний этаж. Хелен спускалась на цыпочках – и это показалось ей абсурдным. Почему она крадется по собственному дому? Франк спит как сурок, а Дасти все равно сидит снаружи и лает что есть силы.

Она отодвинула занавеску на двери террасы и увидела очертания маленького джек-рассел-терьера рядом с почтовым ящиком. Дасти нервно дергал хвостом и лаял на пустую дорогу, ведущую в деревню.

Хелен открыла дверь и босиком вышла на террасу. В воздухе пахло навозом. Вчера вечером фермеры удобряли поля напротив их земельного участка. В этом году ячмень уродится на славу – и это при ее аллергии. Хелен стояла на холодных плитах террасы и оглядывалась. Серебряный свет уже озарял горный гребень, погружая окрестности в утренние сумерки. Она надела кроссовки, которые стояли под складным столом, пересекла лужайку и присела рядом с Дасти на траву.

– Тише, старик, – прошептала она и почесала пса.

Белый джек-рассел с черными кругами вокруг глаз замолчал. Но его уши были все еще прижаты к голове, а сам он, как загипнотизированный, смотрел на дорогу, уходящую в деревню, – словно в темноте подстерегала ужасная опасность.

– Что ты увидел? – прошептала Хелен. – Кошку? Злую куницу? – Дасти был слишком хорошо выдрессирован, чтобы бегать за ними. Она посмотрела на почтовый ящик – газета еще не торчала из прорези, значит, его взбудоражило что-то другое.

Их участок не был окружен забором. В деревне Грискирхен это не нужно. Хелен унаследовала эту виллу от родителей. Она здесь выросла и знала каждую травинку и каждый камешек. Грискирхен находилась километрах в семи от Вены и идеально подходила Хелен для работы. Нигде больше она не хотела бы работать психотерапевтом. После смерти родителей она отремонтировала виллу, а в перестроенном гостевом домике устроила свой врачебный кабинет. Идиллия этого места успокаивающе действовала на ее клиентов, которым были знакомы только серые городские учреждения. Напротив виллы тянулись ячменные поля, и иногда, как сегодня утром, с них веяло пряным духом. Хелен любила этот запах, чего не скажешь о Франке. Он был прокурор, всегда жил в Вене и лишь два года назад очень неохотно переехал в этот дом. Раньше он проявлял больше понимания, но со временем это изменилось.

Хелен погладила пса и подняла глаза. Ни в одном из соседских домов не горел свет. Грискирхен тихо и мирно спала, в окружении гор, лесов и полей. Дасти тоже успокоился и улегся на землю.

Хелен встала.

– Пойдем в дом!

Дасти не пошевелился.

– Дам тебе вкусняшку!

Это всегда работало. Он подскочил и запрыгал, как щенок, вокруг ее ног. Когда в конце дороги послышалось тарахтение мопеда, пес замер. Меньше чем через минуту рядом с почтовым ящиком Хелен затормозил разносчик газет. Дасти наблюдал за мопедом, но не издал ни звука.

Молодой парень поднял забрало и зажмурился на восходящее солнце.

– Доброе утро, госпожа доктор.

– Алекс, не называй меня так. Просто Хелен.

– Да, госпожа Бергер. – Он улыбнулся и протянул ей газету.

Хелен вздохнула. Хотя она и изучала в университете психологию, но не придавала значения своему званию. Никто в Грискирхене не называл ее «госпожа доктор». Франк имел на этот счет другое мнение. Утонченный господин прокурор был на четырнадцать лет старше ее и зазнавался – качество, которое ей так и не удалось изменить. Оказывается, даже у психологии есть пределы!

Алекс достал из кармана куртки собачье лакомство и бросил Дасти, который поймал его на лету.

– Вы хорошо выглядите.

– Спасибо, Алекс, но это не так. – В такую рань она должна была производить нелепое впечатление, в кроссовках и коротком халате.

– Еще как, – возразил он. – Короткие волосы вам очень идут.

– Спасибо. Какой ты наблюдательный. – Раньше Франк так же обаятельно флиртовал с ней, но он новую прическу не заметил. Короткие черные волосы больше подходили к ее веснушкам и смуглой коже – а в тридцать шесть можно выглядеть сексуально и с мальчишеской стрижкой.

– See you, darling!² – Алекс подмигнул ей и нажал на газ.

Хелен с улыбкой помахала рукой.

– See you³.

Старый мопед, тарахтя, развернулся. На мгновение свет от задней фары упал на лужайку. Под почтовым ящиком в траве блеснула небольшая открытая коробка размером с ладонь. Затем лужайка снова погрузилась в темноту. После мопеда осталось вонючее облако дыма.

Хелен подняла коробочку. Крышка открыта, внутри только красная фетровая подкладка, больше ничего. Дасти заволновался, когда она закрыла крышку. Крупными, написанными от руки буквами, на коробке стояло имя получателя: «Госпожа доктор Хелена Бергер».

² До встречи, милая! (англ.)

³ Пока!

5

В начале шестого утра Сабина Немез вместе с коллегой вернулась в полицейское управление. Пока Симон писал отчет об осмотре квартиры, Колонович вызвал Сабину к себе в кабинет. В пепельнице лежала потухшая сигара. Окно было открыто, и жалюзи дребезжали на ветру. Светлая полоса на горизонте освещала крыши нежным оранжевым светом.

– Я видел, как ты выходила из машины Симона. О чем ты вообще думала? – напустился он на нее.

Пять минут она выслушивала нагоняй. И смотрела в окно. Оба купола мюнхенского собора вызывали в ней теперь абсолютно новые ассоциации. Не картинку богослужения – а образ мертвой матери, прикованной цепью к церковному органу, с пластиковой трубкой во рту.

– Видимо, убийца поджидал ее в квартире, – прервала она шефа. – Где мой отец?

Колонович провел рукой по горчичным усам. Его покорный взгляд говорил, что он смирился с ее упрямством.

– Все еще у нас.

Сабина посмотрела на наручные часы.

– Уже семь часов. Я отвезу его в отель.

Колонович прочистил горло.

– Бина...

Ей стало не по себе. Она знала этот тон.

– Мы с ним еще не закончили. Ты присядь.

Она осталась стоять. Никакой силой ее сейчас нельзя было заставить послушно сесть.

– Мы уже знаем, что много лет они с твоей матерью были в ссоре. Неожиданно он появляется в Мюнхене, навещает бывшую жену и якобы обнаруживает следы взлома на двери в ее квартиру. Вскоре после убийства он приходит к тебе, чтобы рассказать, что ее похитили.

Сабина сглотнула. Ее шеф был прав. Все это звучало не очень правдоподобно.

– Больше он ничего не рассказал?

Колонович покачал головой.

– Чем больше мы его расспрашиваем и уточняем мотивы, тем сильнее он путается в показаниях. Зачем он приехал сюда из Кельна? Почему к твоей матери? Какое у него алиби на последние двадцать четыре часа?

– Алиби? – эхом вторила Сабина. Она знала, что это значит. Ее отец по уши влип. – Я хотела бы с ним поговорить.

– Не получится. В этом расследовании ты не участвуешь. – Колонович поднялся. – В связи с тем, что состоишь в родственных отношениях с жертвой и предполагаемым подозреваемым, так будет лучше, – добавил он.

– Я могла бы помочь Валнеру и Симону в расследовании.

Колонович вздохнул.

– В ближайшие часы я передам дело экспертам по расследованию убийств.

– Но ведь еще рано! – запротестовала Сабина. Уголовную полицию подключали после того, как оперативная группа завершала свое расследование. Самое раннее через двенадцать часов.

– Чем раньше, тем лучше, – сказал Колонович. – Валнер как раз составляет отчет для прокурора.

Невероятно! Сабина невольно сжала кулаки. Именно потому, что семья коллеги имела отношение к убийству, оперативная группа могла бы заниматься расследованием подольше,

прежде чем передавать дело дальше. Она знала коллег из отдела по расследованию убийств. Они особо не церемонятся с подозреваемыми.

Колонович, очевидно, думал по-другому. Вероятно, он прочел ее мысли, потому что напустил на себя сочувствующий вид.

– Мне жаль, Бина. Убийство в мюнхенском соборе не то же самое, что убийство в каком-нибудь ветхом доходном доме. Пресса пронюхала о случившемся и сообщит об этом уже в утреннем выпуске.

Все шло вкривь и вкось. Сабина уже видела скандальные газетные заголовки.

– Я должна поговорить с отцом! – настаивала она.

В этот момент в дверь постучали. Валнер просунул голову в кабинет.

– И как? – спросил Колонович, как будто ждал какую-то конкретную информацию.

Валнер ничего не сказал. Краем глаза Сабина заметила, как он украдкой посмотрел поверх своих роговых очков и кивнул в ее сторону.

– Ничего страшного.

– Криминалисты проверили отпечатки в квартире.

В горле у Сабины пересохло. Она знала, что сейчас произойдет, – и не могла ничего сделать.

– Он был в квартире, – сказал Валнер.

Колонович поднялся.

– Это плохо. Отведи его наверх в отдел по расследованию убийств – я поговорю с прокурором.

Валнер отвел отца Сабины к коллегам из мюнхенской уголовной полиции. Они работали в том же здании, этажом выше. Теперь расспросы превратятся в допрос, и Сабина не сомневалась: специалисты скоро выяснят, что ее отец уже давно знал о похищении.

Она снова отклонила предложение шефа взять два дня внеочередного отпуска. Вместо этого уединилась в своем кабинете и глазела попеременно на настенные часы, монитор и обе башни собора. Рядом с клавиатурой лежала открытая пачка мармеладных мишек. Обычно Сабина уничтожала их со скоростью пылесоса, но сейчас ей казалось, что ее может стошнить в любой момент.

Когда свет восходящего солнца заиграл на зеленых кровлях колоколообразных куполов, она полила вьюнки на подоконнике. Тени медленно ползли по крышам домов. Время тянулось так же неторопливо. Двадцать минут назад она отправила письмо Эрику Дорферу с личного электронного ящика. Ее бывший школьный друг по кельнской спортивной гимназии работал в Висбадене, в центральном бюро Федерального ведомства уголовной полиции. Когда обоим было по шестнадцать лет, они встречались. Сабина с удовольствием вспоминала то время, когда в животе порхали бабочки. Даже после того, как она вернулась в Мюнхен, они поддерживали контакт. Но после окончания гимназии Эрик служил в бундесвере, и они потеряли друг друга из виду. Не так давно она наткнулась на его профиль в Фейсбуке, и, когда увидела актуальные фотографии, бабочки вернулись. Один раз они даже вместе вели расследование.

Эрику удалось то, что у Сабины пока никак не получалось. Он отправил всего одно заявление, и его не отклонили. Для работы в Федеральном ведомстве уголовной полиции Сабине не хватало связей. Она никого не знала в Висбадене, кроме того, она женщина. В этом случае жернова мельницы работали гораздо медленнее. Но составление психологических портретов ее большая страсть, и Сабина будет каждый год направлять в БКА⁴ заявление на работу, пока не состарится и не поседеет, – в этом она себе поклялась.

⁴ Федеральное ведомство уголовной полиции (БКА – сокращение от Bundeskriminalamt).

В теме письма Эрику стояло краткое сообщение: *нужна помощь архитектора*. С тех пор она ежеминутно проверяла ящик электронной почты.

Около шести пришел ответ из Висбадена:

Пароль: Er.Do.BKA
Идентификатор: 82691
Код запроса: 761C-514/II
PS: Не перегружай архитектора!

Сабина улыбнулась. Пока что она использовала архитектора всего трижды – один раз успешно и два напрасно. Она отодвинула в сторону чашку и кофейник и открыла интернет-ресурс полиции. Потом кликнула на невзрачную иконку. Программа поприветствовала ее словами: «Добрый день, госпожа комиссар полиции Сабина Немез». Рядом красовался голубой логотип пирамиды. Под ним стояло: «Поиск во всех европейских информационных архивах и внутренних системных базах данных». Название: «Дедал».

Это и был архитектор.

Программа не случайно носила имя создателя лабиринта из греческой мифологии. Потому что за точно такое же гигантское строение – правда, состоящее из информации – отвечал «Дедал». Сетевой поиск во всех подключенных базах данных по определенным признакам, категориям или даже по обрывкам информации не шел ни в какое сравнение с обычным считыванием данных. Эта суперновая система «Дедал» облегчала работу Федерального ведомства уголовной полиции. Вот в этом-то и была загвоздка. Только сотрудники БКА имели доступ к «Дедалу». Но с правильным паролем, идентификатором и кодом запроса можно войти в систему. При ежедневно поступающих тысячах запросов и огромных объемах обрабатываемых данных никого не интересовало, где именно работает комиссар полиции Сабина Немез.

На экране появилась страница доступа к данным. Сабина ввела цифры и вошла в систему. Что теперь? Ее отец не убийца – это понятно. Но петля у него на шее затягивается все туже: алиби нет, на допросе солгал от страха, для посторонних имеет убедительный мотив. Но самое страшное – его отпечатки пальцев были обнаружены на месте похищения.

У Сабины оставалось только две подсказки, указывающие на настоящего преступника. Коробка с маленьким пузырьком черных чернил, которую он подбросил отцу под дверь, и телефонный звонок измененным электронным голосом. Всего два простых предложения: «Господин Немез, если вы в течение сорока восьми часов выясните, почему вашу бывшую жену похитили, она останется в живых. Если нет, то она умрет».

Запрос в «Дедале» был единственной возможностью быстро получить информацию, которая сняла бы с отца подозрение. Нужно искать параллели с другими похищениями, не имеющими отношения к ее отцу.

Место: Германия. Время: последние три года. Преступление: похищения, которые заканчивались убийством по истечении сорока восьми часов. Особенности: телефонный звонок, требование выкупа не предъявляется, загадки, подарок похитителя как намек на возможный способ убийства.

Ее палец замер над клавишей ввода. Каждый раз, когда она отправляла запрос через центральный компьютер БКА, у Сабины кровь леденела в жилах. Дедал был не только легендарным строителем, но и отцом Икара, который подлетел слишком близко к солнцу, обжег крылья и рухнул в море.

Сабина надеялась, что не обожжет себе пальцы в один прекрасный день. «Не перегружай архитектора» – это не совет, а предупреждение. Иначе она может навсегда лишиться возможности работать в БКА. Впрочем, как и карьеры в мюнхенской полиции. *Но это только затем, чтобы снять подозрение с отца... и найти убийцу матери.*

Эта мысль настолько четко оформилась, что не было больше сомнений, над чем Сабина будет работать следующие дни и недели.

Вдруг дверь в кабинет резко открылась. Сабина вздрогнула. Листки с заметками, приклеенные к монитору, заколыхались на сквозняке.

Колонович направился к ее столу:

– Над чем сейчас работаешь?

Сабина быстро нажала на клавишу ввода. *Запрос обрабатывается!* Одним кликом свернула окно. В следующий момент Колонович стоял перед ее монитором.

– Я посмотрела в центральной системе, нет ли для нас работы. Но там ничего важного.

Колонович швырнул на стол утренний выпуск «Зюддойче цайтунг». Жирный заголовок гласил: «УБИЙСТВО В СОБОРЕ». Под ним красовалась фотография ночной Фрауэнкирхе. Очевидно, архивный снимок, потому что между куполами белела полная луна.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Кто-то проболтался. Скорее всего, зритель захотел немного заработать.

Мерзкий лысый с подагрическими пальцами. Сабине показалось, что ее вот-вот стошнит.

– Я не хочу это читать.

Колонович забрал газету.

– Просто чтобы ты была в курсе. Имя твоей матери еще не звучало, и фотографий тоже пока нет. – Он вздохнул. – Иди домой или хотя бы к сестре. Здесь ты уже ничем не можешь.

Сабина покосилась на монитор. Внизу экрана мигала голубая пирамидка.

– Через час Моника отведет девочек в школу и детский сад. Я наведу перед тем, как она уедет на работу.

– Как хочешь. – Колонович посмотрел на настенные часы. Начало седьмого. – Прокурор Фурман сейчас просматривает имеющиеся факты по делу.

– Я хочу поговорить с ним.

Колонович улыбнулся. Сабине было знакомо это снисходительное выражение, которое заставляло ее деградировать до ребенка.

– Это невозможно. Он как раз обсуждает дело с обер-бургомистром.

– В такую рань? – вырвалось у нее.

– Я же говорил тебе, что дело щекотливое. Архиепископа сразу же проинформировали, а тот созвал обер-бургомистра и прокурора. Кризисное совещание продлится до восьми. Тогда мы узнаем больше.

Что за идиотизм! Но по-другому быть не могло. Скоро папа будет служить мессу в мюнхенском соборе. Споры по поводу выхода из церкви в связи со случаями изнасилования детей католическими священниками достигли апогея. Особенно в Баварии. Когда пресса печатала подобные заголовки, представители церкви и политики начинали паниковать.

Поэтому ее отец стал марионеткой в двойной игре, в которой церковь и заикленные на себе политики настаивали на скорейшем аресте.

После того как Сабина записала данные по угону автомобиля в центре города, она позвонила сестре. Они ненадолго встретились в квартире Моника, и Сабина рассказала ей все, что знала. Хотя ее сестра ночью глаз не сомкнула, она восприняла детали убийства лучше, чем ожидалось. Затем Сабина сходил в столовую полицейского участка. Сумела влить в себя только крепкий кофе и была настолько взбудоражена, что металась туда-сюда по коридору, как подстреленный койот. Время от времени она входила в «Дедал», используя код Эрика, но запрос все обрабатывался и обрабатывался, в строке состояния постоянно отображались 99 %. Наверное, чертова программа зависла.

Когда окно ввода данных актуализировалось, компьютер сухо сообщил: *Ваши права доступа заблокированы*. После этого она уже не смогла войти в систему ни с паролем Эрика, ни с его идентификационным номером. Сабину бросило в жар, ладони вспотели. *Вот дерьмо!*

Она нажала на кнопку быстрого набора, чтобы связаться с бюро Эрика в Висбадене. Увидела на дисплее, что звонок перевелся – в трубке раздался женский голос. Сабина сказала, что хочет поговорить с комиссаром-стажером уголовной полиции Эриком Дорфером. Женщина сделала паузу. Затем в трубке что-то щелкнуло.

– Мне очень жаль, – пропела она. – Коллега уже закончил дежурство. По какому вопросу вы звоните? Могу ли я вам помочь?

Уже закончил дежурство? И это в восемь-то часов утра.

– Спасибо. – Сабина повесила трубку.

Красная лампочка на дисплее стационарного телефона указывала на то, что Колонович разговаривал по параллельной линии. Внешний звонок. В следующий момент лампочка погасла. Пока он не успел снова схватиться за трубку, Сабина бросилась в его кабинет. Шеф выглядел неважно. Ослабленный галстук неряшливо болтался на груди, горчичные волосы падали на вспотевшее лицо. Колонович облокотился мощными руками о письменный стол и подпер подбородок кулаками. Рукава рубашки были закатаны.

– Какие-нибудь новости от прокурора? – спросила она. Он надул щеки.

– Ты даже не представляешь, как они наверху торопятся.

Сабина подумала о предстоящем визите папы.

– На них давят.

– Сильное давление – это мягко сказано, – заметил Колонович. – В настоящий момент есть пять подозреваемых. Твой отец один из них. Подключили также кельнскую уголовную полицию. Судья к тому же выдал ордер на обыск квартиры твоего отца.

Мысли в голове Сабины скакали и путались. Коллеги найдут пузырек с чернилами, а на нем отпечатки пальцев отца!

– Я должна поговорить с коллегами из мюнхенского отдела по расследованию убийств, – настаивала она.

Колонович снова надул щеки. Потом пристально посмотрел на Сабину:

– Только не лги мне! Я все равно пойму по твоему взгляду. Твой отец что-то скрывает?

Если она и могла кому-то доверять, то своим коллегам. Они были отличной командой. Сабина кивнула.

– Еще и это! – Колонович провел рукой по лицу. – Мюнхенская уголовная полиция больше не занимается этим расследованием. В связи с особыми обстоятельствами прокурор говорил с коллегами из Земельного уголовного ведомства, и те взяли дело под свой контроль.

У Сабины потемнело в глазах. Она знала методы коллег из ЛКА⁵. По сравнению с ними даже служащие отдела по расследованию убийств казались безобидными детьми. После обыска квартиры эти типы выбьют из ее отца признание, он даже пикнуть не успеет.

⁵ Земельное уголовное ведомство (ЛКА – сокращение от Landeskriminalamt).

6

Даста успокоился и больше не лаял до самого утра. Но Хелен все равно не смогла заснуть. Невыспавшаяся, она вышла на террасу с подносом и присела на садовый складной стул. По радио как раз передавали новости. Обычная пробка на юго-восточной магистрали в направлении Вены. Господи, как же она рада, что больше не работает в городе, а имеет свою врачебную практику в Грискирхене. Первые клиенты – мать с сыном – придут сегодня в десять утра.

На высоковольтных проводах сидели голуби и ворковали наперебой. Через поля разносился бой часов местной церкви. Где-то тарахтела газонокосилка, а мимо виллы, громыхая, проехал трактор. Этот весенний день обещал быть теплым. Поэтому Хелен надела легкую блузку и короткие, обтрепанные по краям джинсы с широким кожаным ремнем.

Она положила сотовый телефон и солнечные очки на садовый столик и налила себе кофе из термоса в пластиковый стаканчик. Хелен приготовила завтрак для себя и Франка – с апельсиновым соком, яичницей, беконом, мюсли и цельнозерновым хлебом. По понедельникам Франк предпочитал плотно завтракать, потому что уезжал в бюро позже, чем обычно. В следующий момент он появился на террасе.

– Доброе утро, милая, – коротко поприветствовал он ее и поцеловал в щеку. – Я должен привыкнуть к твоей новой прическе. Оттенок красивый, но волосы стали чуть короче, верно?

Как это похоже на Франка! Какой еще оттенок? Чернящие волосы, как и раньше. И это двадцать сантиметров он называет *чуть короче*? Да он ее просто разыгрывает.

– Шучу.

Она улыбнулась.

– Знаю, негодник.

Седые виски Франка серебрились на солнце. От него пахло лосьоном после бритья. Оскар от Уилкинсон. Возраст становился все заметнее. Но, несмотря на свои пятьдесят лет, он чертовски хорошо выглядел. Сегодня снова был одет с иголочки – льняные брюки, рубашка поло, пиджак и итальянские дизайнерские туфли. За ворот рубашки заткнуты солнечные зеркальные очки. На запястье новые часы «Омега» с автозаводом от движения руки. Хотя большая вечеринка по поводу дня его рождения только через три дня, Хелен подарила ему часы уже в выходные.

Она посмотрела на его белоснежную рубашку поло. Обычно он носил сшитые на заказ рубашки с вышитыми собственными инициалами.

– Ты сегодня не поедешь в суд?

– Поеду, но ненадолго. Никаких важных встреч, только скучные дела в бюро.

Стоя он сделал глоток кофе. Затем положил на стол какую-то папку.

– Список гостей. Некоторые не приняли и не отклонили приглашение. У меня совсем нет времени, позаботься об этом, пожалуйста.

– Я тоже работаю, – запротестовала она. – Кроме того, это твой день рождения!

подавив проклятие, Хелен открыла папку. О господи, на это уйдет уйма времени. Шестьдесят гостей. Напротив пятидесяти стояли нарисованные от руки знаки вопроса. Хелен знала судей, патологоанатомов или коллег из отдела Франка только по именам.

– Мог хотя бы номера телефонов написать.

– Ты легко найдешь их в телефонной книге. – Франк поставил чашку на стол, вытащил из кармана брюк ключ от автомобиля, наклонился к Хелен и поцеловал в лоб.

– Не позавтракаешь со мной? – спросила она.

Он взглянул на бекон и яичницу.

– Некогда. Увидимся позже, я приеду домой около пяти.

Его напряжение бросилось ей в глаза еще утром. Обычно после выходных Франк был само спокойствие, но сейчас его что-то тревожило, о чем он не хотел говорить. Он даже в ванную пошел с сотовым телефоном, чего никогда не делал. Вероятно, ждал важного звонка. С предстоящим празднованием это абсолютно точно никак не связано, потому что до сегодняшнего дня Франк особо не усердствовал по этому поводу.

– Ты предупредил фотографа? – спросила она.

– А, черт!

Чего и следовало ожидать! Хелен почувствовала комок в горле.

– Нам еще нужно обсудить рассадку гостей, и должна ли музыкальная группа установить свое оборудование в шатре, на случай дождя.

Франк помотал головой:

– Дождя не будет.

– Когда привезут еду для вечеринки?

Франк был уже на полпути к навесу, под которым стояли машины.

– Выясни сама, милая!

– Я забуду! – крикнула она ему вслед. – В конце концов, я не твоя экономка. Что-то ты и сам можешь сделать!

– Что с тобой? ПМС?

Его красный спортивный автомобиль квакнул. Франк открыл дверцу и плюхнулся на сиденье.

Хелен обвела взглядом хлеб, яичницу, бекон и мюсли.

Только не волноваться...

Что она всегда советует своим пациентам? Сосчитать до десяти, глубоко вздохнуть, дожидаться, пока первый гнев пройдет, и лишь тогда открывать рот. Она начала считать. Когда мысленно произнесла три, под навесом уже стояла только ее маленькая голубая «тойота». Гравий разлетелся во все стороны по подъездной дорожке. Франк задним ходом пронесся на «ламборгини» к въезду, не останавливаясь, проехал мимо почтового ящика и развернулся на дороге.

Вместо того чтобы помахать Хелен, он нажал на газ. И умчал!

– Козел! – выругалась она.

Все-таки это его вечеринка, которая должна проходить именно в среду в ее доме. В этом весь Франк! Гости снова должны подстраиваться под него. Он обещал ей позаботиться обо всем и помочь в день праздника. Интересно будет на это посмотреть! Она ведь умеет так великолепно все организовывать и общаться с людьми. Он не самый деликатный и лишь допрашивает преступников – она же говорит с людьми. Хотя они поженились не так давно, их отношения все чаще проверялись на прочность. Франк, который вначале был очень внимателен, превратился в прожигателя жизни, который все меньше считался с желаниями и потребностями Хелен.

«Франк настоящий джентльмен, вы идеально смотрите вместе», – утверждали ее подруги. Но ни одна из них не знала, какой он на самом деле. Одна из его самых ярких способностей – умение все делегировать в последнюю секунду. *О'кей! Выдохни! Ты все равно не можешь этого изменить.*

Хелен громко свистнула.

– Дасти! Завтрак! Бекон и яичница!

Обычно джек-расселл-терьер прибежал тут же, как только слышал свист. Но сейчас его и след простыл. Хелен поковыряла ложкой мюсли и бросила взгляд на список гостей. Кому она должна позвонить? Адвокату Сайснеру, доктору Хенриху из суда, трем женщинам – коллегам Франка, двум доцентам из университета, школьному другу и... у Хелен перехватило дух.

Бен Колер.

Напротив его имени стояла галочка. Значит, он придет в среду. И значит, буря эмоций на этой вечеринке Хелен обеспечена. Как ей держать себя с ним? И самое главное... как он себя поведет? Все-таки в последний раз они виделись три года назад, и между ними осталось так много недосказанного. В то время она еще сотрудничала с уголовной полицией как судебный психолог-эксперт. Но три года назад все резко оборвалось – как и ее отношения с Беном. О господи, Бен. На глаза навернулись слезы, когда она подумала о его сыне.

Хелен познакомилась с Беном, когда он перешел из спецподразделения «Вега»⁶ в уголовную полицию. Самый разумный шаг, какой мог сделать отец-одиночка. Сейчас он наверняка уже главный инспектор в отделе по расследованию убийств. Очевидно, они сотрудничают с Франком как с прокурором. Помнит ли Франк, что Хелен и Бен были раньше вместе? Несомненно! Франк никогда ничего не забывает – а такое и подавно. Наверняка он знает, что сын Бена умер три года назад – еще одна причина, почему их отношения распались. Смерть Флориана подкосила Хелен не меньше, а возможно, даже больше. Она безумно обожала Фло. Наверное, потому что сама не могла иметь детей.

Зазвонил сотовый. Она вздрогнула. Неизвестный номер. Поглощенная мыслями, схватила телефон.

– Да?

В ответ послышалось только тяжелое дыхание.

– Алло? – сказала она. – Франк, это ты?

Дыхание.

– Франк? – повторили на другом конце. – Это ваш муж? – Голос казался измененным, каким-то электронным.

Сердцебиение Хелен усилилось. Она не ответила.

– Вы одна, госпожа доктор? Франк уехал? – спросил мужчина.

– Кто это? – Хелен старалась говорить уверенно.

– Если вы выясните, кого я похитил и почему, человек останется в живых. Если нет – умрет. У вас сорок восемь часов.

– Простите? – Хелен решила, что ослышалась.

На другом конце дышали. Хелен начала ощущать воздействие угрозы. Но еще не понимала, пытается ли кто-то сыграть с ней злую шутку или звонивший просто сумасшедший.

– Чтобы доказать, что не шучу, – продолжил мужчина, – я оставил вам подарок.

– Подарок? – повторила она. Взгляд машинально скользнул по столу и остановился на пустой коробочке с красной подкладкой, которую она нашла сегодня утром рядом с почтовым ящиком.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Это не имеет отношения к делу.

– Но кое-что я о вас уже знаю, – заявила Хелен.

Он рассмеялся.

– Например, фрау доктор?

– Я знаю ваш почерк.

– Значит, вы уже нашли коробочку.

Хелен показалось, что он ухмыльнулся. Все равно она понятия не имела, чего он добивался «подарком», потому что коробка была пуста.

– Что еще, по-вашему, вы обо мне знаете?

⁶ Спецподразделение полиции г. Вены.

Вопрос звучал провокационно. Он хотел ее проверить. В любой другой ситуации Хелен положила бы трубку, но сейчас она хотела выяснить, правду ли он говорит, заявляя, что похитил человека.

Она глубоко вдохнула и произнесла ровным, спокойным, насколько это было возможно, голосом:

– Надпись смазана направо. Вы левша.

Смех незнакомца оборвался.

Хелен вспомнила цитату, которую любил повторять Бен Колер: «Чем сильнее преступник пытается запутать следы, тем больше подсказок оставляет». Кроме того, имея за плечами психологический факультет, четырнадцать лет терапевтической практики и опыт работы судебным психологом, Хелен автоматически анализировала любое необычное поведение – и первая мысль была, как правило, верной.

– Так как на бумаге не указан адрес, – продолжила она, – полагаю, вы лично принесли ваш подарок. Вероятно, сегодня ночью, около пяти утра. Моя собака прогнала вас, иначе вы оставили бы подарок перед дверью... а не запихнули в почтовый ящик. – Дасти наверняка вытащил его оттуда лапой.

Мужчина молчал.

– Вы изменили голос. Значит, по настоящему я вас узнаю. Кроме того, вы скрываете ваш телефонный номер, чтобы я не могла заявить в полицию. Возможно, мы уже встречались. Вы один из моих клиентов?

Он по-прежнему молчал.

Хелен молилась, чтобы все это оказалось глупым розыгрышем и шутник поскорее назвал свое имя. Не хватало ей только сумасшедшего, который по ночам околачивается на ее участке, впрочем, как и сталкера или невменяемого клиента.

– Я... – Она замолчала, краем глаза увидев, как Дасти выпрыгнул из-за низких изумрудных туй, которые отделяли ее участок от прилегающих полей. Он помчался к ней и улегся под столом. Хелен услышала чавкающие звуки, заглянула под стол и не поверила своим глазам.

Дасти что-то жевал. У Хелен тут же мелькнула мысль, что сумасшедший, возможно, хочет отравить ее пса. Она отложила телефон, схватила Дасти за ошейник и залезла рукой ему в пасть, чтобы вытащить предмет.

Хелен едва не стошнило.

Что-то продолговатое, мягкое и теплое. Человеческий палец! Отрезанный у самого основания пястной кости. Неаккуратный разрез. Кожа и ткани обтрепанные на концах, словно кто-то несколько раз принимался за садовые ножницы, чтобы отделить палец от ладони.

С отвращением Хелен бросила палец на пустую тарелку, чтобы Дасти не мог больше до него добраться. Вытерла руку о джинсы и закрыла глаза. Ее все еще подташнивало. Нет, этого не может быть! Сердце бешено колотилось, в горле словно застрял плотный комок. Хелен схватила стакан с апельсиновым соком и выпила его залпом – но комок остался.

Это был женский палец. Теперь она поняла, почему коробочка с красной подкладкой была пустой. Дасти унюхал палец и вытащил его из картонной коробки.

Вдруг Дасти стал давиться. Господи, сейчас что? Пес хрипел и кашлял, грудная клетка содрогалась. Пугающие гортанные звуки – словно желудок выворачивало наизнанку.

– Дасти! – Она присела рядом и погладила его по животу. В следующий момент его стошнило. По плитам террасы, бренча, покатилося кольцо. Несмотря на припекающее весеннее солнце, у Хелен по спине пробежал мороз. Она подняла покрытое слизью украшение – рубин тускло заиграл на свету.

Пожалуйста, взмолилась она про себя. Это какая-то мерзкая шутка. Послезавтра Франк отмечает свое пятидесятилетие, на праздник приглашено около шестидесяти гостей. Может, кто-то из них решил разыграть ее? Но почему именно ее, а не Франка? И почему сегодня? Или за всем этим стоит сам Франк? Ни за что! За время их двухлетнего брака он никогда не подшучивал над ней, а такой безвкусный розыгрыш не в его стиле. Поэтому остался один вывод: она действительно разговаривает с сумасшедшим.

Дасти уже оправился и блаженно валялся на спине. Хелен сжала кулак, надеясь мышечным напряжением избавиться от стресса и волнения, которые с каждой секундой охватывали ее все больше. Но это не помогло. Она знала, что парень хочет просто свести ее с ума.

Дрожащими пальцами она схватила сотовый телефон.

– Что...

– Почему вы пропали? – спросил он.

– Потому что мою собаку стошнило! Хотите услышать детали? – Ее страх превратился в ярость.

– С этого момента вы делаете лишь то, что я вам говорю! И даже не вздумайте рассказать мужу или полиции о нашем телефонном разговоре, – пригрозил он, – иначе я отрежу жертве не только оставшиеся девять пальцев, но и вообще все части тела, чтобы она истекла кровью. Вы меня поняли?

Хелен молчала.

– Я задал вам вопрос!

– Да. – Ее желудок протестовал. Она почувствовала кисловатый привкус во рту и сглотнула. – Как себя чувствует женщина?

– Женщина? – повторил он. – Вы наблюдательная. Имеете в виду, за исключением кровотечения? Она держится молодцом.

– Ей нужна медицинская помощь?

– Полагаю, да, но у нее все в порядке.

– Я хочу поговорить с ней.

– Завтра, когда она будет в сознании.

Вероятно, ее сейчас нет рядом. Наверняка он держит ее в каком-нибудь подвале, связанную и с кляпом во рту.

– Почему я? Почему именно сегодня? – Бессмысленно притворяться и говорить уверенным тоном. Психопат знал, что сломил ее сопротивление.

– Почему? – эхом отозвался он. – Это вы должны выяснить, Хелен. У вас осталось чуть меньше сорока восьми часов.

Машинально она посмотрела на склизкое рубиновое кольцо, которое Дасти лапой возил по полу. Подсознание подсказывало, что она уже видела это кольцо.

– Еще одна подсказка, потому что ваше время уже пошло: речь идет о ком-то, с кем вы знакомы. Но этот человек знает вас лучше, чем вы его.

Связь оборвалась.

7. Вводная беседа

Пятью месяцами ранее

Доктор Роза Харман выглянула в окно своего врачебного кабинета. На крышах венских домов лежали снежные шапки, мир безмолвствовал. В этом году снег выпал на Рождество, что случалось довольно редко.

Она включила диктофон.

– Вторник двадцать восьмое декабря. Первый сеанс с Карлом Бони. Сейчас почти пятнадцать часов. Я ожидаю его прихода в любой момент. Надеюсь, он не тот, за кого я его принимаю.

Она опустила диктофон. С тех пор как Роза узнала, что беременна, она постоянно ощущала этот ледяной покалывающий холод в ногах. Первый ребенок – и это в сорок лет! Ее мать всплеснула бы от удивления руками, но она об этом никогда не узнает. Последний контакт между ними был много лет назад. В этом году ее мать даже не ответила на обязательную рождественскую открытку. Пусть катится к черту. У Розы других проблем хватает.

Рядом с парковкой перед ее окном возвышались снежные сугробы. Кто-то из соседей очистил парковку сегодня утром снегоочистителем, но в обед ее снова засыпало. Окна близлежащих домов украшало рождественское освещение.

Роза потуже запахнула кардиган. Карл был последним клиентом на сегодня. После сеанса она сменит юбку и модную шелковую блузку на теплые войлочные тапочки и уютную фланелевую пижаму, которая как раз грелась на батарее. Чашка горячего молока с медом и печенье – отличное завершение дня. Такой ее еще никто не видел – и не должен увидеть. Элегантный и красноречивый звездный психотерапевт в домашних тапочках выглядит нелепо. Но в глубине души она такая же, как и все женщины, – даже если многие клиенты считают ее уникальной.

Видавший виды белый автофургон с эмблемой автомастерской въехал на парковку. Сбоку на кузове значилось «Рубен и сыновья». Стекла грузовичка снаружи покрылись инеем, а внутри запотели. Посередине лобового стекла было процарапано небольшое окошко, через которое Роза могла видеть водителя. Он припарковался слишком близко к контейнеру с макулатурой, на котором возвышался снежный сугроб. Спустя несколько мгновений из фургона вышел высокий молодой парень.

Розе стало холодно от одного его вида. На сумасшедшем парне были только джинсы, рубашка и пиджак. Ветер трепал его одежду и волосы. Парень не стал запирать машину, огляделся и побежал к входу в ее кабинет. Насколько Роза знала, его обвиняли в хранении кокаина, преследовании и агрессивном отношении к женщинам. Какая формулировка! В действительности он избил двух женщин до такого состояния, что они попали в больницу. Решение суда: три года условно. Тем не менее судья назначила ему «терапию вместо наказания». Роза знала судью. Петра Лугретти была одной из ее лучших подруг. Вообще-то из-за беременности Роза хотела сократить количество рабочих часов. Кроме того, всегда непросто работать с клиентами, которые не добровольно пришли на психотерапию. Но Роза поддалась уговорам Петры Лугретти и согласилась дать психологическое заключение для суда.

В следующий момент раздался звонок в дверь. Роза открыла. Крыльцо располагалось между двумя эркерами и было защищено от ветра. И все равно на порог и коврик для ног намело снега. Посетитель стоял перед дверью, уставившись на табличку, как будто хотел выучить ее наизусть:

«Логотерапия и экзистенциальный анализ по Виктору Е. Франклу
Психотерапевтическая практика

Доктор медицины Роза Харман
Дипломированный врач».

Ниже был указан ее телефон и адрес интернет-сайта.

– Вы здесь живете? – спросил молодой человек, не поднимая на нее глаз. – Дом одноэтажный, но... – он посмотрел мимо Розы в холл, – удобный.

К венскому диалекту примешивался восточнонемецкий акцент, словно парень не мог определиться, хочет ли говорить на литературном немецком или венском диалекте. Петра упоминала это во время телефонного разговора.

– Здесь только мой кабинет, – объяснила Роза. – Не хотите войти?

Он поднял голову, и ветер спутал его золотистые, почти соломенные волосы. Светлых бровей было практически не видно, из-за чего голубые глаза казались еще ярче. А эти невероятно длинные ресницы... какой взгляд!

Молодой человек молча вошел, повесил пиджак на вешалку и провел рукой по влажным волосам. Он был высокий и мускулистый. Его любопытный взгляд, казалось, хотел уловить все сразу.

Некоторые клиенты неуверенно реагировали на закрытые двери. Поэтому Роза всегда отставляла правую дверь, ведущую в рабочий кабинет, приоткрытой, чтобы посетители могли видеть письменный стол. В воздухе пахло Рождеством. Роза пошла первой, но Карл Бони за ней не последовал. В нерешительности он стоял на коврике перед дверью.

– Можете не разуваться, – сказала Роза.

Он смущенно улыбнулся, словно она угадала его мысли. Затем прошел за ней в комнату.

Помещение с двумя большими эркерными окнами было залито светом. Над батареей стояли горшочки с зеленью, от которых исходил аромат мандаринов и еловых иголок.

Роза указала на угловой диван:

– Присаживайтесь, где вам больше нравится.

Ее папка лежала с той стороны стеклянного стола, где стояло кресло. Напротив располагался удобный угловой диван с подушками. Все клиенты, которые приходили к ней в первый раз, машинально садились на него. Папка деликатно указывала им на ту сторону, где Роза хотела бы их видеть. В том числе и Карла. С того места пациентам открывался чудесный вид на парк с корявыми сучковатыми деревьями и покрытыми снегом кустами. Также в поле зрения находился маленький радиобудильник с электронным табло, чтобы не терять ощущения времени и знать, сколько еще продлится сеанс. Кроме того, на столе лежала пачка носовых платков – на всякий случай. Прямо рядом с диктофоном.

Роза опустила в свое кресло и налила воды в два стакана, которые уже стояли на столе. Потом закинула ногу на ногу.

Карл расслабленно сидел на диване. Его взгляд блуждал по комнате и задержался на книжном стеллаже, который, за исключением нескольких романов из семидесятых годов, был заполнен узкоспециальной литературой.

Роза заправила за ухо каштановую прядь, которая постоянно падала ей на лицо.

– Вам не мешает диктофон?

Карл уставился на нее, словно изучая ее темно-зеленые глаза.

– Это еще зачем?

– Мне кажется, разговоры необходимо записывать. – Она сделала паузу. – Когда я позже прослушиваю кассеты, мне в голову иногда приходят блестящие идеи, которые помогают в дальнейшем.

Его взгляд оставался скептическим.

– Кто еще слушает кассеты?

– Никто, даже в суде. Я не имею права разглашать конфиденциальную информацию. Клиент остается анонимом.

Он задумался.

Настоящую причину для аудиозаписи сеансов она ему пока открывать не будет: случай показался ей очень интересным, и Роза хотела задокументировать результаты для себя. Возможно, позже она напишет статью.

– Могу я получить копию? – спросил он.

– Если хотите.

– А, не обязательно. – Он безразлично махнул рукой.

– Хорошо. – Роза включила диктофон и откинулась на спинку кресла. Кассета будет писаться пятьдесят минут. – Как вы себя чувствовали, когда ехали сюда?

Недолго думая, он ответил:

– Хорошо. – Улыбнулся. – Я с нетерпением ждал этой встречи.

– Правда? – Она знала, что это ложь. Карл улыбался только губами, но не глазами. Безошибочный сигнал лицевой мускулатуры. Если область вокруг глаз остается без эмоций, то приветливость, как правило, наигранна. – Как вы провели Рождество?

– Один... Я люблю быть один, – поспешно добавил он.

– Вам комфортно в настоящий момент?

– Конечно. – Он улыбнулся, как будто пытался флиртовать с ней.

Роза на это никак не отреагировала.

– Как вы замечаете, что вам некомфортно?

Он посмотрел на потолок.

– Я начинаю грызть ногти.

Роза не взглянула на его руки. Она еще раньше заметила, что ногти обкусаны. На большом пальце с одной стороны засохла кровь. Видимо, он грыз его, пока ехал сюда.

Большинство клиентов старались скрыть свои ногти и сжимали руки в кулаки, как только Роза касалась этой темы. Многим было неудобно, но только не Карлу. Его руки спокойно лежали на диване.

– В каких еще ситуациях вы грызете ногти?

– Когда я размышляю, чувствую себя неуверенно или не могу принять решения... в основном.

Честный ответ.

– Хорошо. – Роза потянулась к папке. – Эта вводная беседа бесплатная, продлится около пятидесяти минут, и счет за нее не будет выставляться суду. Если вы с этим согласны, то я хотела бы начать с общих вопросов.

Он кивнул.

– У вас восточнонемецкий акцент, – констатировала Роза. – Вы родом из Саксонии или Бранденбурга?

– Я родился в Вене. Мать отсюда, а отец из Дрездена. В 1981 году он сбежал из ГДР во время гастролей. Он был пианистом. Нам приходилось часто переезжать, так что какое-то время мы жили в Вене, Кельне, после падения стены – в Лейпциге, позднее снова в Дрездене.

– Интересно. – У Розы уже было несколько клиентов, выросших в семьях музыкантов. Но еще ни одного сына пианиста. – И теперь вы живете в Вене?

– После смерти отца мы вернулись... но мама живет в собственной квартире, – быстро добавил он.

На протяжении последующих сорока пяти минут он терпеливо давал краткие ответы на все вопросы Розы, которые она записывала в папку. С шести утра до двух Карл работал механиком в автомастерской Рубена на севере Вены, по его собственным словам, в каком-то

подозрительном сарае. Старый Рубен также сбывал по дешевке подержанные автомобили, облапошивая при этом даже опытных покупателей.

Карл был единственным ребенком в семье, он без радости вспоминал детство и жил один в Вене. С матерью он поссорился; отец, центральная фигура в его жизни, кого он обо- жал, умер от инфаркта. Карл родился 6 ноября, как и Роза. Тоже Скорпион. Правда, Карлу всего двадцать три, он гораздо моложе ее. Теоретически он даже мог бы быть ее сыном. Вдруг она подумала, что у некоторых Скорпионов есть ядовитое жало, которое может быть смертельно для человека. И инстинктивно положила руки на живот. Еще ничего не было заметно. Она была только на четвертой неделе. Интересно, будет мальчик? Какотреагирует отец? В любом случае скоро придется ему рассказать.

А сейчас сконцентрируйся на клиенте!

Она наблюдала за Карлом, пока тот говорил. Расчетливый взгляд, уверенное поведение и хитрая улыбка характеризовали его как харизматичную личность, которая легко пленяет и подчиняет себе других. Именно таких людей непросто раскусить, чтобы добраться до сути проблемы.

– Какими тремя прилагательными вы описали бы ваши отношения с родителями?

Он подумал.

– Я любил отца. Он был умным человеком, но строгим, доминантным... и вспыльчи- вым.

Интересно, что Карл сразу заговорил об отце. Но даже в этом случае он описал чело- века, а не отношения с ним. Кроме того, Роза отметила его амбивалентные чувства. Он любил строгого вспыльчивого человека – но в этом нет ничего необычного.

– А ваша мать?

Он пожал плечами:

– Она простая женщина, работает сиделкой то здесь, то там, но как отец она себя дер- жать не умеет.

После нескольких вопросов о родственниках, школьном образовании и интересах ана- мнез был готов. Роза захлопнула папку.

– У вас есть вопросы?

Карл подвинулся вперед, к краю дивана.

– Какое у вас образование?

Она усмехнулась.

– Почему вы улыбаетесь? – раздраженно спросил он.

– Потому что большинство клиентов долго ходят вокруг да около, вы же спрашиваете напрямую – мне это нравится.

Его взгляд помрачнел.

– Что в этом хорошего?

– Ну, вы производите впечатление человека, который прямоком идет к цели, не разме- нивается по мелочам и не тратит впустую ни времени, ни чувств.

Она зарегистрировала его еле заметный кивок.

– Полагаю, вы хотите знать все, что касается вас. Все уточнять и понимать причины и подоплеку. Это хорошая база для открытого разговора. В психотерапии в первую очередь важны отношения... и доверие.

На этот раз он кивнул увереннее. Роза достала из папки какой-то небольшой буклет и протянула Карлу:

– Мое резюме.

Он полистал брошюру.

– Я изучала медицину и параллельно с учебой ходила на подготовительные курсы в Венском университете по направлению «психотерапия». Они длились два года. Дальнейшее узкопрофильное образование – еще четыре.

– Сколько лет прошло с тех пор?

Роза подумала.

– Двенадцать.

Она заметила, как заработали колесики и шестеренки в его мозгу.

– Сейчас мне сорок лет, – предупредила она его следующий вопрос.

Парень откровенно пялился на ее стройные ноги.

– Я специализировалась на логотерапии по Виктору Е. Франклу.

– Я прочитал снаружи.

– Это не имеет никакого отношения к логопедии, – быстро добавила она. – Некоторые клиенты путают эти понятия. Моя терапия направлена на поиск смысла и экзистенциальный анализ.

Карл наморщил лоб.

Роза улыбнулась.

– Речь не о вашем финансовом положении или банковском счете, а о поиске смысла жизни, о том, как прийти к согласию с самим собой и собственными эмоциями. – Она почувствовала, что Кару не терпится что-то спросить. – Да?

– Вы не используете психоанализ... по Фрейду или тому подобное?

Психоанализ по Фрейду? От Петры Лугретти она знала, что Карл был уже у трех психотерапевтов. После четырех сеансов все они прерывали терапию и, поговорив с куратором, отказывались от этого случая. Причина была Розе неизвестна, но, судя по реакции Карла, можно заключить, что все это были отставшие от жизни аналитики, как Роза называла их про себя.

– Нет, я не использую психоаналитические методы, – медленно ответила она. – Видите ли, по-моему, этот подход слишком долгий и утомительный. Я действую по-другому. Мой метод – это в первую очередь прямой разговор. Если вы решите проходить терапию у меня, мы будем много говорить о ваших чувствах, возможно, работать с флипчартом или писать письма вашей матери, отцу и другим людям. Но отправлять их не станем.

Она выдержала паузу. Пока что Карл внимал с интересом – по крайней мере, так ей казалось.

– Но самая важная работа, – продолжила Роза, – будет происходить не в этой комнате во время наших сеансов, а снаружи... у вас на работе, в вашей квартире, при общении с другими людьми.

– Да, конечно, – пробормотал он, словно слышал все это уже сто раз. – Вы вообще знаете, как работают другие методы?

Роза улыбнулась. Его прямота бодрила.

– В Австрии признаны двадцать два метода – это значит, страховая медицинская организация платит за них. И да, большинство мне известны.

Он поднял брови.

– Психотерапевты должны ежегодно повышать квалификацию. Иногда я использую приемы, которые узнала благодаря систематическому дополнительному образованию. Мы можем, например, реконструировать и проанализировать ваши отношения с друзьями, коллегами и членами семьи или инсценировать какие-то ситуации.

– Откуда вы знаете, что это сработает?

Какой глупый! Она улыбнулась.

– Во время учебы мы сами должны были посещать психотерапевта в качестве клиентов. Минимум: двести пятьдесят часов самоосознания.

Он надул щеки и выпустил воздух. Похоже, такого ему не рассказывал ни один психоаналитик – но Роза могла открыто говорить об этом. Как-никак, у нее за плечами все триста пятнадцать часов.

– У вас есть еще вопросы? Если нет, то я хотела бы обсудить организационные моменты.

Он откинулся на спинку дивана.

– В отличие от врачей психотерапевты по закону обязаны сохранять конфиденциальность. Врачи могут обмениваться информацией о пациенте, но наш принцип неразглашения гораздо строже. Нам разрешено говорить с врачами, госучреждениями или родственниками о сути терапии только с согласия клиента. Но угроза вашей жизни или жизни другого человека снимает с меня обязанность неразглашения.

Карл кивнул.

– Если вы придете пьяным или под воздействием наркотиков, я буду вынуждена отменить сеанс. – Он не возражал. – Я рекомендую сначала встречаться раз в неделю. На четвертый прием принесите, пожалуйста, этот заполненный вашим семейным врачом формуляр медицинского обследования. Оно необходимо для психотерапевтических сеансов. Мы представим все это суду вместе с отчетом и предварительным диагнозом, чтобы подать заявление на покрытие расходов на дальнейшие сеансы. – Стандартная процедура, когда заказчиком является суд.

Карл проигнорировал формуляр.

– Зачем этот листок, если я все равно должен пройти эту терапию?

– Я просто хочу быть уверенной, что вы физически здоровы.

– Анализ мочи тоже предусмотрен?

– Вы принимаете наркотики?

– Нет.

– Тогда вам нечего бояться.

Он сложил формуляр и, не читая, сунул его в нагрудный карман. Снова подвинулся к краю дивана, на этот раз уже ближе к Розе. В воздухе стоял запах машинного масла. Вероятно, он приехал прямо из автомастерской. Неосознанным жестом Карл закатал рукава рубашки. На долю секунды Роза увидела на внутренней стороне обеих рук уродливые шрамы от ожога.

– Я слышал, что врачи и терапевты выписывают счет за прием даже в том случае, если пациент отменил встречу за двадцать четыре часа.

– Это так. – Неудивительно, что Карл отлично информирован. После четырех сеансов у каждого из трех психотерапевтов у него сложился богатый опыт. Однако это не должно интересовать его, потому что расходы все равно берет на себя суд.

– А вот если я, – тянул он, – на пути сюда попаду в аварию или узнаю, что моя мама лежит в больнице и я должен ее навестить, тогда...

Карл не закончил предложение. Он хотел проверить ее, как до этого, когда выяснял, какое образование позволяет ей называться психотерапевтом.

– Во-первых, я надеюсь, с вами и вашей мамой ничего плохого не случится, – ответила Роза. – Но в таких случаях я, конечно, счета не выпишу и мы навестаем сеанс в другой раз.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Да? Я уже был у одного терапевта.

Только у одного?

– Я знаю.

– И он сказал, что терапия – это как договор, который мы заключаем, а таким вопросом я пытаюсь смягчить общие условия.

О господи! К кому только отправил его суд? Возможно, коллега так долго работал терапевтом, что уже не воспринимал своих клиентов как людей.

– Могу вас успокоить. У меня такого не случится. Но если вы позвоните, чтобы отменить встречу, потому что якобы не можете, а я услышу из трубки плеск воды и крики из бассейна, – я допущу такое только один раз, но в следующий выставлю суду счет с соответствующим комментарием.

Карл поморщился.

– В конце концов, вы получили предписание. Если не будете выполнять свои обязательства, я расценю это как прекращение лечения и буду вынуждена сообщить в суд... но лишь со второго раза. Это ведь честно?

– Хорошо. – Он потянулся к стакану с водой и сделал глоток. В этот момент его плечи расслабились. Возможно, этот вопрос был его личным тестом; основным моментом, может ли он доверять своему психотерапевту или нет. Видимо, ему было важно, что он и его проблемы означают для нее больше чем девяносто евро.

– Еще одно правило, – вернулась к теме Роза. – Если вы опоздаете, упущенное время не восполняется.

Карл вызывающе вытянул подбородок.

– Почему?

– Потому что следующий клиент ждет.

По всей видимости, такой ответ ему не понравился.

– Посмотрите на это с другой стороны, – предложила Роза. – Если клиент перед вами опоздает, вы можете быть уверены, что мы начнем вовремя, и он потеряет свое время.

– Убедительно. – Впервые на лице Карла появилась дружелюбная улыбка. Может быть, всего лишь наигранная. Тем не менее Роза хотела верить в его искренность. Кроме того, она хотела убедить Карла, что будет относиться к нему как к клиенту, который обратился к ней добровольно.

Они договорились о следующей встрече и назначили дату. На этом вводная беседа закончилась. Пока Карл допивал воду, Роза наклонилась вперед, чтобы выключить диктофон. В тот же самый момент она задавалась вопросом, что заставило ее коллег прервать терапию – и сколько времени ей понадобится, чтобы выяснить причину.

8

В десять часов утра Сабина Немез все еще была на службе. Она провела здесь уже четырнадцать часов. Валнер принес из булочной улитки с корицей. Сабина съела только одну – и она тяжелым грузом лежала в желудке. Как и остывший кофе из термоса. Бессмысленное сидение, пока отца допрашивали в Земельном уголовном ведомстве Баварии, измотало ее. В ЛКА в Мюнхене и Нюрнберге работало около полутора тысяч коллег. Главный офис на Майлингерштрассе находился недалеко от их бюро, но появляться там бесполезно. Ее остановят на входе.

– Неужели у меня нет никакой возможности участвовать в расследовании?

Колонович устало посмотрел на нее. Его густые горчичного цвета брови сдвинулись.

– С ЛКА? Ты шутишь?

Сабина стояла в его кабинете как побитая собака. Его взгляд говорил: ты всего лишь винтик в оперативном отделе полиции. Тебе всего двадцать шесть лет, а уже хочешь помогать господам чиновникам?

– По этому делу нет никаких электронных документов, – продолжила она.

– Я знаю. – Зазвонил телефон, но Колонович перевел звонок на другую линию.

Обычно документы и акты по каждому процессу выкладывали на сервере полиции, и каждый сотрудник мог их изучить. Дополнять и вносить новые данные имел право, конечно, только уполномоченный делопроизводитель. Но не в этом случае.

Колонович сложил на столе свои мощные руки.

– Расследование убийства твоей матери засекречено. Процесс изъяли из компьютерной системы и ведут на отдельном диске.

– Зачем? Я...

– Сабина! – Отец богов Зевс окинул ее грозным взглядом. – Сотрудники полиции уже допрашивают пятерых других подозреваемых. Но сегодня утром коллеги из Кельна обыскали квартиру твоего отца. И нашли там пузырек с чернилами, на котором отпечатки его пальцев. Это последняя информация, которую я получил. Возможно, жидкость совпадет с той, что была обнаружена на месте преступления.

Наверняка совпадет!

Ее отцу необходим адвокат, и как можно скорее. Сабина могла подключить экстренную адвокатскую службу, но неизвестно, когда они кого-нибудь направят. Ей на ум пришел только Габриель, бывший муж ее сестры. Залгавшийся ублюдок уже три месяца не платил алименты на содержание Керстин, Конни и Фионы, но он был неплохим защитником по уголовным делам.

– Еще кое-что, – пробормотал Колонович. – К нам направляется коллега из БКА в Висбадене.

– В связи с убийством моей матери?

– Без понятия. – Он пожал плечами. – Прибывает ближайшим рейсом «Люфтганзы» из Франкфурта. Симон поехал за ним в аэропорт.

– У него что, нет машины?

– Я уже дважды имел удовольствие работать с ним. Насколько мне известно, у него нет водительских прав. Во всяком случае, тогда нам приходилось возить его по Мюнхену. – Колонович потер глаза. – Они такие, белые воротнички из БКА. Эти снобы только штаны в кабинетах просиживают.

Сабина вздрогнула. Еще никогда она не слышала, чтобы ее шеф вот так отзывался хотя бы об одном коллеге. Неужели догадывался, что она уже трижды подавала заявление на учебу в Висбадене?

– Как его зовут?

– Мартен С. Снейдер.

– Мартен Снейдер? – повторила Сабина. – Никогда не слышала.

– Мартен С. Снейдер, – поправил он ее. – Родом из Роттердама. Хитрый лис, от которого ничто не ускользнет. У него нюх как у верблюда, который чует лужу за двадцать километров.

Не похоже на просиживателя штанов. Если этот мужчина действительно приехал из-за убийства ее матери, Сабина должна поговорить с ним.

По дороге к себе в кабинет она снова позвонила Эрику, но он был недоступен ни в бюро в Висбадене, ни на сотовом телефоне. Хоть волосы на себе рви! Сабина оставила еще одно сообщение на голосовой почте.

Сев за рабочий стол, она ввела код для запроса в «Дедале», но доступ все еще был заблокирован. Сабина отодвинула клавиатуру в сторону и откинулась на спинку стула. Уныло открыла список номеров в сотовом телефоне и промотала его до доктора Габриеля Церни. Некоторые называли его Доктор Глаз из-за знаменитого холодного застывшего взгляда, с каким он входил в зал суда. Ее сестра Моника очень хорошо знала этот пронизывающий взгляд. Стоит ли с ним связаться? И все-таки ничего лучше Сабине в голову не приходило.

Она набрала номер телефона офиса, и секретарша соединила с Габриелем. Бывший муж ее сестры ответил, как обычно, наигранно-вежливым голосом – чересчур дружелюбно, так что возникало ощущение, будто над тобой издеваются.

– Привет, мой ангел. Что я могу для тебя сделать?

– Габриель, хватит придуриваться. Я хочу, чтобы ты представлял в суде человека, которого подозревают в убийстве.

Этот пижон только и ждал такой просьбы.

– Это бесподобно! – воскликнул он. – Сначала ты арестовываешь парней, а потом приглашаешь меня защитить их от тюрьмы.

– Моя мама... – Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Мою маму нашли мертвой, и отца сейчас как раз допрашивают.

В следующий момент его голос уже звучал нормально.

– Бина, мне очень жаль. Неужели убийство в соборе? – Он сделал паузу. – Как я могу вам помочь?

Может, он и не такой уж ублюдок? Впрочем, речь идет о его бывших теще и тесте, и в такой ситуации можно ожидать немного уважения.

– Твои дети еще ничего об этом не знают. Моника расскажет им позже. Пока что папа нуждается в твоей помощи. Его квартиру в Кельне только что обыскали. А коллеги из ЛКА допрашивают его в настоящий момент на Майлингерштрассе.

– Он в Мюнхене? – спросил Габриель.

– Да, но причину он должен объяснить тебе сам. Пожалуйста, займись этим... он не убивал.

– Я из этого исхожу. – И Габриель положил трубку.

Сабина уставилась на стену перед собой. Голос Симона, донесшийся из коридора, выдернул ее из размышлений.

– Циничный подонок! – выругался он. – Обращается со мной, как с мальчишкой на побегушках.

Она вышла в коридор. Симон и Валнер стояли в дверном проеме столовой. Симон сунул себе в рот сигарету и жадно затянулся. Она редко видела, чтобы он курил.

– Ты о Снейдере? – спросила Сабина.

– О Мартене С. Снейдере! – буркнул Симон. – Мне пришлось тащить его огромный чемодан. Он туда как будто кирпичей наложил. По дороге в участок он сидел сзади и листал какие-то документы. Вот я дурак. Просто из вежливости спросил, бывал ли он уже в Мюнхене, и получил в ответ: «Вы что, хотите втянуть меня в разговор?» – Симон передразнил его голландский акцент.

Валнер рассмеялся.

– Я его знаю. Сам как-то раз возил на место преступления. И должен был приготовить для него термос ванильного чая. О причине сами можете догадаться. – Он сделал движение рукой, словно затянулся косячком. – А также я имел честь возить его по ресторанам и книжным магазинам. Благодарность ему чужда. Характер как у злобной гиены. Подожди, он еще покажет тебе три пальца.

Три пальца?

С верхнего этажа донесся шум, как будто там по паркету двигали столы. Сабина подняла глаза. Лампа над головами закачалась из стороны в сторону.

– Из какого он отдела?

Валнер соорудил презрительную гримасу.

– Психолог-криминалист, занимается составлением психологических портретов преступников. Больше я ничего не знаю.

Сабина почувствовала, как у нее подскочило давление.

– Где он сейчас?

По потолку что-то глухо застучало.

– А ты как думаешь? – Симон указал вверх. – Обустраивает себе кабинет в переговорной.

– У нас? Зачем?

– Без понятия. С этим парнем я больше бесед заводить не стану, можешь мне поверить.

Симон потушил сигарету в пепельнице.

– Сама выясняй. Он, кстати, сказал, что хочет поговорить с тобой. – Симон взглянул на настенные часы. – Ровно через четыре минуты.

Этажом выше из переговорной комнаты в коридор были выставлены все пальмы. Сабина постучала в дверь и вошла. В следующий момент отпрянула. В комнате сильно пахло ванильным чаем. И в то же время ароматическими палочками. Но в воздухе висел еще один сладковатый, перебиваемый ванильным чаем запах, который Сабина не могла распознать.

Снейдер полностью изменил помещение. Стулья, составленные один на другой, были сдвинуты в угол. Столы образовывали большую букву П. Сам Снейдер сидел в кожаном кресле; перед ним стояло три ноутбука. По паркету хаотично змеились многочисленные провода. На столе лежало несколько раскрытых папок, диктофон и раскрытый кожаный пенал с длинными острыми иглами.

– Это вы выставили растения в коридор? – спросила Сабина.

– Сами ходить они не умеют, – с очевидным голландским акцентом произнес он и постучал себя по лбу. – Они забирают у меня воздух. Мне необходим кислород, чтобы думать.

Своими интонациями Снейдер напомнил Сабине шоумена Руди Каррелла. Но только не внешностью.

Мужчина поднялся. Худощавый, в черном дизайнерском костюме, наверняка метр восемьдесят, с невероятно длинными руками. На вид ему было сорок пять лет. Аккуратные бакенбарды начинались от ушей и переходили в узкую линию у самого подбородка. Черная борода резко контрастировала с глянцевой лысиной и бледным лицом, которое много лет не видело солнца.

– Садитесь, – приказал он Сабине.

Стул стоял в центре комнаты и был повернут к стене. Сабина села. Как на допросе она уставилась на голую белую стену. Снейдер снял большой акварельный рисунок в раме, который сделала жена Колоновича, и запихнул за шкаф. Вероятно, краски мешали ему думать.

Словно на негнущихся ногах подошел к Сабине. Его мокрый от пота лоб производил нездоровое впечатление. У него жар?

– Вы себя неважно чувствуете? – спросила Сабина.

– А как бы вы себя чувствовали, если бы вам в начале седьмого утра пришлось мчаться во франкфуртский аэропорт?

Шесть утра! Она подумала о своем запросе в системе «Дедал». *Просто совпадение! Только никакой паранойи!*

Снейдер медленно обошел вокруг нее, внимательно изучая. С острым крючковатым носом и крохотными глазами, от которых ничего не ускользало, он напоминал орла, который вот-вот накинется на свою добычу. Металлические пластинки на его подошвах клацали по деревянному полу. Шаги наверняка были слышны на всем нижнем этаже. Возможно, он делал это намеренно, чтобы помешать другим думать. Так сказать, превентивный удар.

– Я слышала, вы профайлер.

Он взглянул на нее с любезно-презрительной улыбочкой, от которой у Сабины по спине побежали мурашки.

– Мы здесь не в ЦРУ. Я не профайлер, а полицейский аналитик, психолог-криминалист, специализирующийся на случаях похищения людей. Больше вопросов нет? Могу я тоже кое-что спросить? – Не дожидаясь ее ответа, продолжал: – Расскажите мне о вашей матери. Кто мог ее убить?

Сабина сглотнула. Ее мама умерла всего пятнадцать часов назад. Ни «*мне очень жаль*», ни «*мои соболезнования*». Только этот пронизывающий взгляд.

– Моя мама была...

Он перебил ее, сунув под нос три пальца. В изгибе между указательным и большим пальцами Сабина заметила круглую черную точку. Татуировка или выраженная родинка.

– Только основное. Самое важное в трех предложениях, не больше. Сможете?

Ублюдок!

– Мы с сестрой выросли в Мюнхене, но из-за работы отца переехали в Кельн. Раньше он был машинистом, в Кельне реставрировал старинные поезда. Это была его мечта. Моя мама двенадцать лет преподавала там в начальной школе, а позже стала директором. После развода родителей десять лет назад мы вернулись в Мюнхен. «Война роз» длилась два года, это не секрет. Отец хорошо зарабатывал, но дело не только в деньгах, а и в родительских правах на опеку. Мне тогда было шестнадцать. Но мой отец никогда бы...

– Самое основное! – снова перебил ее Снейдер.

Да что он хочет услышать?

– Мама уже два года на пенсии. Она жила одна, долгов у нее не было, зато много хобби и бесконечное количество новых платьев. Она была стройная, спортивная и любила смотреть оперетты и театральные постановки. Раз в неделю мы с ней ходили на курс пилатеса. Послушайте, мой отец...

– Нет, это вы меня послушайте! – Он подошел к ней ближе. – Вашего отца и еще нескольких подозреваемых допрашивают в ЛКА. Они интересуют меня не более, чем пукнувший в Мюнхенском зоопарке тюлень. Меня интересует ваша мать, ясно? Когда проходит этот курс пилатеса?

– В пятницу вечером.

– На этой неделе тоже?

Она кивнула.

– Но я туда не пошла.

Теперь он показал ей три пальца на другой руке. И здесь на том же месте чернела точка. Возможно, идентичные татуировки. Но что обозначают эти точки?

– Дальше! – торопил он.

– Она читала Гессе, Белля, античные легенды, слушала классическую музыку, но аудиокниги, которые я приносила, – никогда. С удовольствием ходила в оперу, покупала овощи и фрукты в индийском магазине, любила готовить, не имела никаких домашних животных и нежно заботилась о трех своих внуках.

Снейдер бросил на нее удивленный взгляд.

– Моя сестра разведена, – поспешно объяснила Сабина, прежде чем он успел выдать какой-нибудь глупый комментарий.

– Я заметил ваш взгляд, – сказал Снейдер. – Вы чувствуете себя виноватой, что не встретились с матерью в вечер похищения?

Внутри у Сабины все сжалось. Откуда он знает о похищении?

Словно выполняя какой-то ритуал, он покрутил сигарету, напоминающую косячок.

– Вы ведь не против, если я закурю? – Получив ее согласие, он прикурил сигарету от спички. – Значит, чувство вины?

– Возможно.

В настоящий момент Сабина не испытывала угрызений совести, а только злость на этого заносчивого умника, у которого чуткости и сострадания не больше, чем у камня. Вместе с тем его негнушающаяся верхняя часть корпуса и неуклюжие движения бедрами напоминали поведение гея. Она не имела ничего против голубых. Не то что против курильщиков травки.

Снейдер выпустил вверх серое дымное облако. Сабина заметила на потолке белую круглую отметину – он открыл детектор дыма. Кабели были изолированы, сам прибор лежал на подоконнике. Сейчас она узнала этот сладковатый запах. Марихуана! Он действительно курил травку. А ванильный чай, видимо, должен был перебивать запах.

– Дым не мешает вам думать? – насмешливо спросила она.

Выражение его лица застыло.

– Никогда больше не пытайтесь шутить в моем присутствии!

Дверь приоткрылась, и Симон просунул в комнату голову. Светлые короткие волосы торчали во все стороны. В следующий момент его лицо вытянулось. Потом он посмотрел на потолок. Наверное, искал детектор дыма в этой комнате, переделанной в опиумную берлогу.

– Вы хотели со мной поговорить?

– Да кто вообще хочет с вами разговаривать? – пробормотал Снейдер надменным тоном. – Принесите мне еще один чайник свежего ванильного чая и все документы по делу Ханны Немез. Отпечатки пальцев, фотографии с места преступления, показания свидетелей и тому подобное.

Симон небрежно прислонился к дверной раме.

– Это сложно. Все находится в Земельном уголовном ведомстве Баварии. – Пожал плечами. – Понятия не имею, кто там ведет это дело.

Хотя ситуация была напряженная, Сабина не смогла сдержать улыбку. Всем известно: как аукнется, так и откликнется. Кому захочется, чтобы с ним обращались пренебрежительно?

Снейдер затаился.

– Эти ничтожества из ЛКА ведь не были на месте преступления, верно? Так что давай, мальчик, сгоняй в кабинет и принеси мне все материалы, которые имеются по этому делу.

Сабина вздрогнула. Еще никто не обращался к Симону «мальчик».

Тот заскрежетал зубами и исчез, ничего не сказав. Снейдер очень хорошо знал, что они в участке обязаны с ним сотрудничать. Если все профайлеры в БКА в Висбадене такие, то

Сабина вряд ли станет подавать заявление туда еще раз. Лучше и дальше нести службу с Симоном и Валнером в оперативном отделе.

– Похоже, вы не работаете вместе с коллегами из ЛКА, – констатировала Сабина. – По какой же причине вы здесь?

Снейдер посмотрел на свои плоские наручные часы Swatch с полосатым красно-белоголубым циферблатом – цвета голландского флага.

– Ваши три предложения закончились. Вероятно, больше вы ничего сказать не можете. Но ответьте мне еще на два вопроса. Где ближайший книжный магазин «Гаитал»?

– Простите?

– Вы что, плохо слышите? – Он покачал головой. – Мне любопытно, как вам удавалось справляться до сих пор.

Сабина кипела от негодования. Мало того что умерла ее мама, так этот напыщенный говнюк еще и обращается с ней, как с пацанкой. Что ему нужно в «Гаитале»? В Мюнхене с полдесятка филиалов этой книжной сети. Недалеко есть один – там Сабина покупает аудиокниги, – напротив здания судебной медицины и ирландского паба.

– Итак? Где ближайший филиал?

– Понятия не имею, – ответила она.

– Видимо, вы мало читаете, – пробурчал он. – И последний вопрос: у вас был контакт с похитителем?

– Откуда вы знаете, что мою маму похитили?

– Откуда я это знаю? – Он подошел ближе, сел на стол напротив Сабины и поймал ее взгляд. – Потому что сегодня в шесть утра я увидел вашу заявку в «Дедале».

Сабина сглотнула.

– Это был ваш последний запрос. – Снейдер поднялся. – Я распорядился, чтобы ваш IP-адрес и код доступа Эрика Дорфера пока заблокировали.

9

В начале двенадцатого сеанс психотерапии закончился. Хелен стояла у входа в бывший гостевой домик и ждала, пока ее девятилетний клиент с мамой сядут в машину.

На мгновение она закрыла глаза. Нежное полуденное солнце согревало ее лицо, ветер играл волосами. С пашни доносился терпкий запах. Во время сеанса Хелен постоянно думала о рубиновом кольце и не могла выбросить из головы отрезанный палец – картинка стояла у нее перед глазами.

Бывший гостевой домик обычно не запирали. Но сейчас Хелен закрыла дверь на ключ. В целях безопасности перед сеансом она заперла и основной вход в виллу, которая соединялась с гостевым домиком через зимний сад. Конечно, Дасти выбегал наружу и возвращался в дом через специальную дверцу для собак, но это было невозможно ему запретить.

Хелен вошла в свой кабинет, достала рубиновое кольцо из кармана джинсов и опустилась на вращающийся табурет. Она оттерла кольцо чистящим средством, и теперь оно сияло в лучах полуденного солнца, проникающих через окно. Если камень настоящий, то украшение стоит около четырех или пяти сотен евро. В тысячный раз она повернула кольцо между пальцами и посмотрела на гравировку на внутренней стороне: *Анне – от Франка*. Кто эта Анна? И кто, черт возьми, Франк? Кроме собственного мужа она не знает ни одного Франка, а он точно не рассматривается. Франк уже был один раз женат, но на некой Петре Лугретти, судье по преступлениям несовершеннолетних, которая была примерно ровесница Хелен.

А может, кольцо всего лишь подделка? Игра слов? *Анна Франк*. Коробочка с красной подкладкой стояла в гостиной на книжной полке между романами Пауло Коэльо, которые Хелен еще не прочитала. Если она подключит уголовную полицию, экспертно-криминалистический отдел может даже не тратить время на эту коробку. На картоне остались только ее отпечатки и слюна Дасти. Отрезанный палец, обернутый в целлофановую пленку, лежал в морозильнике. Ни один хирург в мире уже не сможет его пришить.

У Хелен оставалось меньше часа, чтобы найти ответы на вопросы. Затем в дверь позвонит следующий клиент. А до этого ей нужно хотя бы десять минут, чтобы вчитаться в его историю болезни. Она посмотрела на папки в шкафу и уже сейчас боялась этого, потому что ее мысли постоянно сбивались.

Кто такая Анна?

«Вы знакомы, но этот человек знает вас лучше, чем вы его». Сумасшедший сформулировал это как-то так. Время уходит. Не думай о следующем клиенте! Сконцентрируйся на Анне...

Конечно! Хелен подскочила на стуле. Одну из ее клиенток зовут Анна. Она подошла к большому стенному шкафу, где хранились все дела ее клиентов, и вытащила с полки папку с наклейкой *Л-М*. Торопливо пролиставла желтые вкладыши-разделители.

Анна Ленер!

Клиентка работала фармацевтом в венской аптеке. На последний прием приходила 20 мая, в пятницу на прошлой неделе. Анне было около сорока пяти, застенчивая, интроверт по натуре; носила очки в роговой оправе, но все равно умудрялась выглядеть мило. Только не очень за собой следила. Франк назвал бы ее типичной серой мышью. К тому же у нее обнаружили рак кишечника, и уже несколько месяцев она была на больничном. После химиотерапии приходилось носить парик, который ей совсем не шел.

Хелен специализировалась преимущественно на случаях насилия над детьми и подростками, но также бралась и за не очень тяжелые случаи взрослых. Анна пришла к ней, потому что у нее не получалось выстроить нормальные отношения с мужчинами. Анну постоянно использовали – в том числе и потому, что ее тянуло к женатым мужчинам старше

себя. Комплекс Электры – женский аналог эдипова комплекса, – который зародился еще в детстве Анны. У нее не было подруг, и Хелен стала первой, с кем она могла поговорить об этой проблеме.

Хелен перелистала свои записи. Сейчас она вспомнила. Анна носила это кольцо последние два или три месяца. Раньше его не было. Возможно, подарок ухажера.

Франк!

Анна никогда не называла своих знакомых мужчин по имени, а всегда говорила об «отце семейства», или «библиотекаре», или «торговце автомобилями». Прокурора среди них не было. Но кого-то из этих мужчин должны звать Франк.

Хелен подумала об отрезанном пальце и о том, какую ужасную боль пришлось вынести Анне. Почему именно эта несчастная женщина, страдающая неизлечимой болезнью? Пожалуй, ответ все же очевиден. Анна была слишком доверчивой, добрейшей души человеком. Ее легко можно обмануть словами, сломить волю... и похитить.

С первого сеанса Хелен чувствовала ответственность за нее – чуть большую, чем обычно полагается психотерапевту. Но, возможно, все это просто недоразумение? Она быстро пролистала страницы и наконец нашла адрес Анны и номер ее телефона. Сначала позвонила на городской – после десяти гудков положила трубку. Потом набрала номер мобильного, который записала на всякий случай.

После второго гудка включилась голосовая почта. Хелен вздрогнула, услышав электронный голос похитителя: «В настоящий момент я, к сожалению, недоступна...»

Затем связь прервалась.

Хелен бросило в жар. Изверг записал сообщение на голосовую почту Анны. Вспомнила, что он причинит Анне боль, если Хелен вздумает рассказать кому-то о случившемся или обратиться в полицию.

Но как он об этом узнает? Он наблюдает за ней? Прослушивает телефон? Установил в доме подслушивающие устройства? Параноидальные мысли душили ее, так что Хелен стала задыхаться. Но она должна что-то сделать!

Чудовище собиралось расчленить тело Анны. Хелен была уверена, что этого сумасшедшего ничто не остановит. Для того, кто однажды пересек черту и пытал человека, нет пути назад. Он должен довести начатое до конца, завершить свое *произведение искусства* – пока Анна не умрет. Это была всего лишь интуиция, которую Хелен не могла объяснить или проверить. Но если она права, то единственный способ спасти Анну – это подыграть сумасшедшему, чтобы оттянуть время. Нужно больше выяснить о нем, понять, что же он знает. Кроме того, она должна тайно проинформировать уголовную полицию. Хотя так можно поставить под угрозу жизнь Анны и потерять контакт с преступником. Все не просто. Дело в том, что у Хелен с уголовной полицией были личные счеты, и это тяжелым грузом лежало у нее на душе.

Возможно, психопат выбрал ее потому, что три года назад она как судебный психолог работала с уголовной полицией, но ушла из-за дела Винклера. То дело все разрушило, даже ее отношения с Беном Колером. С тех пор она больше не сотрудничала с уголовной полицией и сосредоточилась на своей практике, где могла сослаться на обязательство о неразглашении врачебной тайны и избавить себя от прессы, суда и прокуратуры, которые превращали ее жизнь в настоящий ад.

Может, стоит позвонить коллегам Бена из уголовной полиции, которые так мерзко ее тогда подставили? Для них она все еще словно красная тряпка для быка. «Психотетка», которую можно обвинить в том, что запорола полиция и замяла прокуратура. Всего этого никогда бы не случилось, сумей она настоять на проверке Кристофа Винклера на полиграфе – чтобы понять, врет ли он, – или поторопить сотрудников уголовной полиции с обыском в его

доме. Тогда были бы живы те пятеро детей, которых Кристоф Винклер расчленил, а части тел зарыл в тридцати разных местах в Венском лесу – среди них оказался и сын Бена.

Хелен отложила сотовый телефон. Она не могла позвонить Бену. Он не станет с ней говорить.

– Проклятье! – выругалась Хелен, поспешно сунула материалы, касающиеся Анны, в папку и поставила ее на полку. Рядом в запертом шкафу она хранила свои экспертные заключения для суда. Дело Винклера было неполным, потому что некоторые материалы конфисковали.

Хелен вышла из кабинета и прошла через зимний сад в гостиную, положила на книжную полку рубиновое кольцо в коробочке. Через пятнадцать минут придет ее следующий клиент. Чем ей заняться до этого? Похититель Анны не запретил ей звонить мужу, чтобы поболтать с ним просто так.

Она набрала номер Франка, но его сотовый был выключен. Хелен попробовала дозвониться до кабинета в прокуратуре – звонок перевелся на секретаршу. Франк часто бывал на разных важных совещаниях. Но женщина заявила, что он сегодня в гольф-клубе и в офис не придет.

Словно парализованная Хелен уставилась на мобильный телефон.

В гольф-клубе?

Она вспомнила поспешный отъезд Франка сегодня утром, его непринужденную одежду, рубашку поло и солнечные очки, заткнутые за ворот. Почему он ей солгал? Она набрала номер гольф-клуба в Мариа-Энцесдорфе, фешенебельном районе недалеко от Грискирхена. Франк состоял членом клуба уже десять лет и регулярно играл с судьей Хенрихом или адвокатом Сайснером. Однако администратор сообщила, что доктор Франк Бергер сегодня в клубе еще не появлялся.

Хелен плюхнулась на диван и уставилась на полку, где лежала коробочка с кольцом Анны. Почему Франк солгал ей и своей секретарше? Кому она может доверять, кому нет?

В этот момент зазвонил сотовый телефон. На экране отобразился номер Франка.

– Ты звонила? – лаконично спросил он.

С чувством неловкости она спросила, как дела у него на работе.

– Нормально, много работы. Что ты хотела?

Подлый лжец!

Она рассказала ему, что как раз изучает список гостей для его вечеринки и наткнулась на много знакомых имен.

– ...и я задалась вопросом, знаешь ли ты некую Анну Ленер.

Может, кто-то из коллег рассказал ему, что ее похитили. Возможно, полиция уже занимается этим делом.

– Нет, – как из пистолета выпалил он. Даже секунды не подумал.

– Это одна из моих клиенток, и я подумала, возможно...

– Она твоя клиентка? – перебил ее Франк.

У Хелен перехватило дыхание. В горле внезапно пересохло.

– Ты ее знаешь?

– Нет, – повторил он. – Еще что-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Пока. – Он положил трубку.

Она твоя клиентка?

Почему он так удивился? На глаза набежали слезы.

Анне – от Франка.

Франк что-то знал о похищении!

Возможно, даже был в этом как-то замешан.

10

Смена Сабины закончилась после обеда. Обычно она ехала домой, чтобы поспать несколько часов, но сейчас была настолько взбудоражена, что не смогла бы сомкнуть глаз. Поэтому навестила сестру, которая тоже вернулась домой после работы в музей. Снова плакали. После короткого разговора Сабина поехала к себе, переделась и направилась пешком на улицу Нусбаумштрассе, где располагалось здание судебной медицины. Несмотря на весеннее солнце, Сабина ощущала ледяной холод.

Напротив и немного наискосок, на площади Бетховена, находился ирландский паб, где еще несколько месяцев назад они с Симоном пили кофе и пиво после службы, прежде чем ехать к ней домой. После свадьбы Симона их встречи прекратились. Иногда Сабина сидела в пабе одна.

Ее пальцы замерзли, когда она посмотрела вверх на квадратное четырехэтажное здание Института судебной медицины. Где-то там внутри лежал труп ее мамы. У Сабины не было полномочий входить в здание. Если бы убийством ее матери занималась мюнхенская уголовная полиция, Сабина могла бы достать у своих коллег копию отчета результатов вскрытия. Но при расследовании ЛКА это было невозможно, и тем более если процесс изъят из компьютерной системы. Тем не менее Сабина хотела попробовать.

Она вошла в здание – внутри пахло стерильностью и смертью – и направилась к дежурному, который сидел за перегородкой из молочно-белого стекла. Сквозь стеклянный коридор она видела этажи соседней городской клиники. По пандусу вверх как раз заезжала машина скорой помощи с включенной мигалкой. По вестибюлю санитары провозили пациентов в креслах-каталках.

– Что я могу для вас сделать? – Толстый небритый парень за молочным стеклом был одет в темно-синюю рубашку и галстук с узором в виде турецких огурцов, на котором виднелись шоколадные пятна. Рядом лежала начатая плитка шоколада.

Он поднял глаза от своей книги и мельком посмотрел на Сабину, после чего его взгляд бесстыже задержался на ее груди. Она ненавидела таких мужиков.

Симон сказал, что вчера около часа ночи труп ее матери был доставлен в патологоанатомическое отделение. Дежурил старый жлоб, доктор Хирншаль, а он обычно не прикасался к трупу в первые двадцать четыре часа. Из принципа. Но если прокуратура, архиепископ, бургомистр и ЛКА оказывали такое давление, чтобы поскорее раскрыть дело, возможно, патологоанатом уже с раннего утра занимался вскрытием. Но парень в галстук с огурцами, по-прежнему пялящийся на ее грудь, точно не расскажет ей, как далеко продвинулся доктор Хирншаль, а тем более не вручит заключение о вскрытии.

– Добрый день!

Сабина прислонилась к молочному стеклу и прижала свое служебное удостоверение к смотровому отверстию. Парень поднял глаза.

– Я должна забрать результаты вскрытия трех чешских гастарбайтеров, которые сгорели в автофургоне на шоссе.

Портье отложил книгу в сторону. «Достоевский» значилось на корешке. Кто бы мог подумать?

Любитель Достоевского взглянул на монитор.

– Еще не готово, – сообщил он и снова уставился на Сабину.

Конечно, не готово. Ее коллеги ждали этого отчета неделю.

– Что? – Сабина разыграла негодование. – Я уже во второй раз прихожу сюда! Трупы неделю лежат в морге, а мы ждем причину смерти. Не можем оформить ни свидетельств о смерти, ни разрешений на выдачу тел.

Дежурный не реагировал.

Сабина постучала по стеклу.

– Как вы думаете, когда мы сможем отправить трупы в Чехию? На следующее Рождество? – съязвила она.

Мужчина пожал плечами. Его второй подбородок затрясся.

– Послушайте, я за это не отвечаю.

– Доктор Хирншаль обещал подготовить отчеты сегодня ночью! – повысила голос Сабина.

Мужчина опять посмотрел на монитор.

– Извините, сейчас он занимается другим случаем.

Сабина вытянула шею, но не смогла заглянуть в монитор.

– Неужели это убитая из собора?

Он ничего не сказал.

– Даже не верится! – Сабина прищурилась. – Она здесь всего двенадцать часов. Обычно Хирншаль поручает начальные работы дипломникам.

– Не в этот раз, – пробормотал дежурный. – Срочное дело. Доктор работает один с самого раннего утра. Вашим чехам придется подождать. – Он снова уставился на ее грудь.

– Эй, Достоевский! – Сабина щелкнула пальцами. – Я спущусь к нему и спрошу, когда мы получим отчет. Подвальный этаж, помещение ПЗ, верно?

– Он в П7, но вы не пойдете туда! – Дежурный неожиданно поднялся со стула. – Я позвоню ему, чтобы он вышел к вам.

– Только поживее.

Дежурный схватился за телефон, и, пока он отвлекся на разговор, Сабина прошла к лифтам. Сунула руки в карманы жилетки. Слева нащупала чехол своего цифрового фотоаппарата. Увидев, что лифт поехал вниз, проскользнула через противопожарную дверь на лестничную клетку. Этажом ниже она попала в длинный коридор и побежала мимо дверей. П4, П5, П6... П7.

Перед этой комнатой она остановилась. За следующим поворотом находились лифты. На всякий случай она постучала. Ответа не последовало. Сабина скользнула в помещение и попала в зал, облицованный белым кафелем. В воздухе стоял слабый запах дезинфицирующих средств, спирта и разложения. Ее тут же затошнило. В центре комнаты стояла ширма, сквозь которую проникал свет неоновой лампы. Сабина знала, что там. Ей хватило увиденного в соборе. Теперь ее и десятью лошадьми не затащишь заглянуть за ширму. На столе у стены светился монитор компьютера.

На всякий случай Сабина оставила дверь открытой, чтобы услышать шум лифта, когда патологоанатом снова поедет в подвал. В отчаянии стала искать на столе протоколы или записи Хирншалья. Рядом с клавиатурой и принтером не было ни диктофона, ни блокнота, ни листов бумаги. Она потрясла мышкой – заставка на экране исчезла. Пароля нет! Даже в этом Хирншаль поленился.

«Протокол патологоанатомического вскрытия» – стояло в строке меню. Ниже имя умершей: «Ханна Немез». Некоторые ячейки были уже заполнены. Сабина быстро пробежала глазами в поисках причины смерти. Наконец нашла соответствующую запись.

«Утопление».

Ничего не понимая, проверила имя, но это был протокол вскрытия ее матери. Она утонула? Прикованная к нижней части органа в соборе?

У Сабины не было времени читать все. В ближайшие секунды здесь появится взбешенный Хирншаль. Она вытащила фотоаппарат из чехла и сфотографировала экран. Хотела уже прокрутить к следующей странице, как заметила, что на дисплее фотокамеры видно только отражение вспышки. *Вот дерьмо!* Она рассчитывала, что будет фотографировать бумажные

документы, а не экран. После еще двух неудачных попыток Сабина замерла и прислушалась. Тишина! Она уже далеко зашла и не хотела сейчас уходить ни с чем. Тут ее взгляд упал на принтер. Конечно! Поискала на мониторе иконку принтера и кликнула мышкой. Шли секунды. Ничего не происходило. Наконец лазерный принтер зашумел и засосал первый лист бумаги. На краю экрана появилась надпись «Печать страницы 1 из 12». За первым листом последовали еще два. Принтер громко трещал. Сабина подбежала к двери, высунула голову в коридор и прислушалась. Тут кабина лифта дернулась и поехала вниз. *Черт!*

Сабина метнулась к принтеру, схватила распечатанные листы бумаги из лотка и снова помчалась к двери. Она слышала, как за спиной принтер выплюнул последнюю страницу. Не важно!

Как только Сабина выскочила в коридор и прикрыла за собой дверь, на этаже остановилась кабина лифта. Вот-вот из-за угла появится Хирншаль. Она побежала к пожарной лестнице. В этот момент послышался знакомый голос с голландским акцентом.

– У меня мало времени, доктор. Резюмируйте медицинское заключение в трех простых предложениях.

Сабину бросило в жар. Мартен Снейдер здесь? Его подошвы с металлическими накладками гремели по плиточному полу. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять: оба через мгновение вывернут из-за угла. В следующий момент Сабина исчезла на лестничной клетке и побежала на следующий этаж.

В вестибюле она не решилась пройти мимо окошка дежурного. Поспешила по стеклянному коридору в клинику и через центральный подъезд вышла на улицу. Только тогда заметила, что сжимает листки в кулаке. Разгладила бумаги, сложила и сунула за пазуху, направилась вниз по Нусбаумштрассе. Сейчас ей не помешает крепкий кофе.

Ирландский паб на площади Бетховена был заполнен наполовину. Сабина села за стол в нише и выглянула в окно. Сплошь радостные лица. Вдруг у нее перехватило дыхание.

Не может быть! Просто невероятно, кто шел по Нусбаумштрассе. Симон! Рядом с ним высокая длинноногая блондинка в палантине. Вместе они толкали перед собой коляску для близнецов. Видимо, все-таки пришлось жениться, подумала она и со злорадством смотрела им вслед, пока они не исчезли в переулке.

Плевать на этого парня! Лучшие сконцентрируйся на деле!

Сабина разложила перед собой на столе одиннадцать листов отчета по аутопсии. Программа распечатала только заполненные пункты – но вопреки своей привычке Хирншаль постарался.

В трахее ее матери торчал медицинский воздуховод и интубационная трубка длиной восемьдесят сантиметров, какую в больницах используют для искусственного дыхания. В результате трупного окоченения нижняя челюсть отвисла неестественно широко. Во рту не было никакого постороннего содержимого. Тем не менее ее мать не задохнулась, а захлебнулась – двумя литрами черных чернил, которые используются для перьевых ручек. Те же чернила, что были найдены и на полу в церкви, и в ведре рядом с трупом.

Захлебнулась!

Теперь наконец Сабина поняла, что смущало ее в лице мамы. Ноздри были заклеены суперклеем, отчего нос казался острее. Время смерти 19:30. Пока Сабина рассказывала племянницам историю на ночь, а в окне спальни в сумерках виднелись освещенные башни собора, ее мать боролась за жизнь.

Если бы я только пошла с мамой на гимнастику в пятницу вечером! Или если бы отец сразу рассказал мне о звонке похитителя – все было бы по-другому. Возможно, они смогли бы избавить ее от этой пытки. Сабина не знала, кого ей ненавидеть больше: своего отца или себя.

Она вытерла слезу и продолжила читать. В шею ввели быстродействующий нейротоксин высокой концентрации, который парализовал ее мать. Результаты судебно-медицинского токсикологического исследования еще не готовы. Как и ДНК-анализ «смешанных следов», чтобы установить возможное наличие пота, слюны, крови или мочи другого человека. Результаты исследования слизистой оболочки рта и вагинального мазка будут готовы самое раннее через неделю.

Хирншалъ не обнаружил ни следов семенной жидкости, ни частиц кожи под ногтями, зато зафиксировал следы царапин минимум двухдневной давности на запястьях и лодыжках, которые остались от оков. Никаких следов на шее или прочих признаков удушения. Выделения мочи и кала в момент смерти нормальные. Интересно содержимое желудка: в течение двух последних дней в плену ее мама пила только воду и съела два соленых кренделька.

Отчет закончился. Сабина перебирала в уме всю эту информацию. Что-то ее смущало. Почему соленые крендельки? При мысли о крендельках и чернилах в голове возникло какое-то смутное воспоминание, но она никак не могла понять, какое именно.

Она потягивала кофе и смотрела в окно. В этот момент Мартен Снейдер вышел из здания судебной медицины. Хирншалю, видимо, понадобилось больше чем три коротких и точных предложения, чтобы рассказать о результатах вскрытия. Не глядя по сторонам, Снейдер пересек дорогу и направился напрямик к книжному магазину на противоположной стороне. Несколько лет назад «Гаитал» открыл здесь новый филиал – двухэтажный, с кафетерием. Прямо на углу Гете- и Лессингштрассе, что очень подходило книжному магазину. Снейдер исчез за вертящейся входной дверью. *«Видимо, вы мало читаете»*, – мысленно передразнила его тон Сабина.

Она сложила листки отчета по аутопсии, сунула в карман, расплатилась и вышла из паба. Хочет он того или нет – она заставит Снейдера поговорить с ней в книжном магазине.

Мартен Снейдер сидел на верхнем этаже в кафетерии, который находился рядом с детским отделом. За спиной у него стояли стеллажи с красочными книгами. В зоне для чтения сидели всего несколько посетителей. Со стаканчиком черного чая из автомата Снейдер расположился на удобном красном диване, закинул ногу на ногу и читал толстую биографию Вирджинии Вульф. Ему больше нечем заняться?

– Увлекательно? – спросила Сабина.

Снейдер поднял глаза.

– Как посмотреть. – Он выглядел нездоровым. На лбу выступили капли пота. – Вирджиния Вульф покончила с собой. Бросилась в реку с тяжелым камнем в кармане пальто. Тоже один из способов захлебнуться.

Захлебнуться! Почему он это сказал? Сабина и виду не подала.

– Можно присесть?

Он заложил закладку и захлопнул книгу.

– К сожалению, не могу запретить. Это общественное место.

Он был обаятелен, как брызжащая ядом кобра, которая еще не завтракала. Сабина села на стул. И сразу перешла к делу:

– Как вы узнали о моем запросе в «Дедале»?

Он продемонстрировал свою любезно-презрительную дежурную улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.